

Современный дискурс и дискурс-анализ

Краткая теорминологическая энциклопедия

Автор: доктор филолог. наук, проф. Кравченко Наталья Кимовна

ДИСКУРС: Сложный коммуникативно-когнитивный феномен, который соответствует замкнутой коммуникативной ситуации с когнитивной основой в виде синхронизованных знаний коммуникантов о ситуации общения, друг о друге, о конвенциях и правилах коммуникации, социуме и институциональной специфике, этнокультурных и универсальных кодах и макросценариях. Замкнутость ситуации обеспечивается процессом взаимной целенаправленной деятельности коммуникантов по распознаванию закодированных в тексте-макрознаке интенций, аспектов и факторов интеракции, ситуационной модели, концептов общего коммуникативного пространства, прототипа речевого жанра

Формально-текстуальное понимание Д.: единство, превышающее по объему предложение: сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое (В.Г. Борботько) и т.д.; на первый план выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования.

Текстоцентричный подход: связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст в событийном аспекте; текст в различных его аспектах, актуализированный текст, в отличие от текста как формальной грамматической структуры (Т.А. ван Дейк); когерентный текст (И. Беллерт); текст, сконструированный говорящим для слушателя (Дж. Браун, Дж. Юл); текст в ситуации реального общения (Арутюнова, Карасик 2002:285)), который с эвристическими целями можно разделить на продуцирование и восприятие дискурса или его течение (аспект динамики), и текст – его результат (аспект статики). *Разграничение текста и дискурса:* дискурс – коммуникативный процесс, текст – его результат.

Функциональный подход. Д. осознается как целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка: речь в сосюровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание; речь, присваиваемая говорящим в противопоставлении

объективному повествованию (*recit*), по Э. Бенвенисту; связная речь (З.З. Харрис; Г.Г. Почепцов); завершенное речевое произведение (Е.В. Клобуков); речь; связная последовательность речевых актов в коммуникативно-прагматическом контексте (И.П. Сусов, Н.Д. Арутюнова); единство, реализующееся в виде устной или письменной речи (В.В. Богданов); отношения между высказываниями, которые объединяют их в единую дискурсивную формацию («дискурсивную сетку» (Foucault 1972)).

Функционально-когнитивный подход (понимание Д. с позиции когнитивной лингвистики) является разновидностью функционального подхода в его проекции на современную когнитивно-дискурсивную парадигму: Д. понимается как определенный тип ментальности (Н.Д. Арутюнова), вербализованное работающее сознание (О.Г. Ревзина, О.В. Жукова), вербализуемая речемыслительная деятельность (В. В. Красных), «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения» (Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова). Последние три определения связаны с идеей бинарной природы дискурса, когда Д. противопоставляется *тексту* как когнитивный процесс речевой деятельности – ее конечному результату, который имеет законченную (и зафиксированную) форму и становится основной единицей (макрознаковым компонентом) Д. Подобное понимание дискурса представлено в работах Т.А. ван Дейка [26], А.Е. Кибрика [45], Ю.Н. Караулова [43]. По А.Е. Кибрику, "дискурс – коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст" [53: 144].

Ситуативная интерпретация – определение и анализ Д. в событийно-ситуативном аспекте, с точки зрения ситуации общения, с учетом социокультурных, психологических и других условий и обстоятельств общения [63: 68-75]. Ван Дейк определяет Д. как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в

определенном пространственно-временном контексте. Вербальной составляющей этого коммуникативного действия, его завершенным или продолжающимся «продуктом» служит текст или разговор. Е.А. Селиванова рассматривает дискурс как коммуникативное событие, ситуацию, которая интегрирует текст с другими ее составляющими, в частности, экстралингвистическими социальными и референциональными факторами (обстоятельствами, временем, пространством коммуникации), когнитивными и психологическими факторами, опосредующими взаимодействие участников общения, их мотивы, цели и стратегии (Селиванова 2006).

Социологический, социо-семиотический подход, доминирующий в современной западной практике дискурс-анализа. В соответствии с таким подходом, Д понимается как сфера общения с акцентированием ее когнитивного (миромоделирующего) аспекта, как совокупность принципов репрезентации реальности. Как мироконструирующий феномен дискурс всегда перформативен, т.к. формирует наши представления о мире, институциональные практики, правила, поведенческие коды. Посредством семиотического кода дискурс навязывает всему, что представляет, определенную структуру ценностей, социальную и экономическую по своему происхождению (Fowler 1991); конструирует реальность согласно собственным образцам – институциональным рамкам, ограничивающих акты высказывания (П. Серио), моделирует мир в онтологическом («процессы, которые имеют место за пределами дискурса, по существу оформляются ... дискурсами» (Chouliaraki and Fairclough 1999)) и эпистемологическом аспекте, т.к. любая осмысленная система или убеждение являются субъективной интерпретацией, которая определяется социальным окружением и доминантным дискурсом своего времени (см. также *критический дискурс-анализ*). Другие социо-семиотические определения: совокупность письменных и устных текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках, ставшая самостоятельным

смысловым полем, некой реальностью [Филлипс, Йоргенсен, 2004, с.10]; формы власти и контроля [ванн Дейк, Н. Фейклау, Рут Водак, Suchan, 2004]. В лингвистическом аспекте понятийным эквивалентом Д. как сферы общения и совокупности принципов (и форм) репрезентации реальности может служить понятие функционального стиля: медиа-дискурс, «феминистский дискурс», политический дискурс, административный дискурс, юридический дискурс, научный дискурс и т.д. Различия – в ракурсе и принципах анализа Д. и функционального стиля. Например, при изучении научного Д. основной исследовательской перспективой становится не столько выявление речевых средств, сколько скрытых мотиваций, «ангажированности» знаний (Bourdieu 1986: 241–258), которые стоят за выбором определенного метода научного исследования и определяются доминантным научным дискурсом / парадигмой, господствующей системой мнений.

ЕДИНИЦЫ ДИСКУРСА и ДИСКУРС-АНАЛИЗА – единицы совместной социокоммуникативной деятельности интрактантов, включающей речевое действие одного и реакцию другого участника. Общепринятым в дискурсологии является понимание интеракционного значения как такого, которое совместно конструируется участниками, а Е.д – как актов такого «скоординированного сотворчества». Вопрос различий в понимании И. е. – это, прежде всего, вопрос учета или отрицания связи интеракции с целостным речевым событием / ситуацией, т.е. как ситуативного или локального феномена. Так, если интеракция рассматривается локально, на микроуровне, вне зависимости от дискурсивных макроструктур, то при вычленении ее единиц также не учитываются макро- дискурсивные факторы интерактивного взаимодействия. Примером такого подхода может служить разговорный анализ (внесший наибольший вклад в описание интерактивных структур), который рассматривает интеракцию отдельно от специфики определяемого речевого события, фокусируясь на потенциально универсальных, «базисных» (underlying) моделях и регулярностях. В то же

время, этнография речи, интеракционная социолингвистика, критический дискурс-анализ и другие направления, рассматривающие речевое событие как единицу «измерения» интеракции, учитывают при выявлении ее структур ситуативную интерпретацию, варьирование компонентов интеракции в зависимости от типа ситуации или события.

Важно отметить, что, независимо от различий в понимании И.е., все исследовательские подходы едины в понимании того, что любая типология должна выстраиваться исходя из анализа интеракционного поведения участников, а не предварительной дефиниции события. Другими словами, выявление организационной структуры интеракции осуществляется на основе эмпирического конверсационно-аналитического подхода. Проблема исследователей – определить и интерпретировать единицы интеракции, основываясь на тех же самых данных, которые используют участники события. Определяющим критерием при дефиниции И.е. является специфика интеракционного значения и средств его выражения. Так, выделяемые структуры могут основываться либо на «пропозициональной», эксплицитной, лексикализованной информации (конверсационный анализ), или на «выводном» знании, имплицитной информации, различных знаках контекстуализации, устанавливающих ассоциации между знаком и контекстом (этнография речи, интеракционная социолингвистика и др.).

Среди единиц дискурса выделяют: *интерактивный блок, коммуникативный акт, макродиалог, обмен, речевое событие, секвенция, структура участия/ партисипации, транзакция.*

Schegloff E.A. Turn organization: One intersection of grammar and interaction / Emanuel A. Schegloff / E. Ochs, E. A. Schegloff and S. Thompson (eds.) // Interaction and Grammar. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 52–133. Drew Paul. Conversation analysis / P. Drew // Handbook of language and

social interaction / Edited by Kristine L. Fitch and Robert E. Sanders. — Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. — P. 71–102.

Интерактивный блок (interactional unit) – интеракционная единица дискурса, «наименьшая единица совместной социальной деятельности», включающая действие и реакцию на него другого участника. На более широком уровне И.б. формируют фазы события или само событие. В отличие от секвенций и структур участия (см. ниже), которые конституируются речевыми ходами, И. б. определяются как «совокупность конверсационно связанных *единиц сообщения*». Специфика единиц сообщения – в их связи в И.б. посредством невербальных *сигналов контекстуализации* (подробно см. ниже в разделе «интеракционная социолингвистика»). Соответственно, при выделении И. б. особое значение имеют не столько упорядоченности речевых ходов, сколько просодические средства и другие не прямые знаки «контекстуализации», связанные с интерпретативными процессами в ходе интеракции и с ситуативной интерпретацией. Методологической основой при выделении И.б. служит теория сигналов контекстуализации, ориентированная на анализ «целевых» интеракций (goal-oriented interactions) (Гумперц). По своим границам интеракционные юниты могут совпадать с секвенциями или структурами участия, быть частью этих структур или, напротив, объединять их – это зависит от вербальных и невербальных поведенческих ориентиров, интерпретативных практик, которые позволяют «приспособить» совместную деятельность участников к контекстуальным пространствам, в которых она становится осмысленной и локально завершённой.

Пример И.б. 1. *Учитель*: «Экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, которая отклоняется от литературной языковой нормы (0.5 пауза, во время которой преподаватель занимает выжидательную позицию)
2. ... и характерна для определенной социальной субкультуры называется... (вопрос сопровождается движением вниз правой руки, указывающей на «низкое» положение в пространстве чего-то).

3. *Студенты*: сленгом.
4. *Учитель* (продолжает свой речевой ход): сленгом
5. в противоположность ... .
6. *Студенты*: нормативности.
7. *Учитель*: правильно.

Пример показывает, что вопросно-ответный комплекс не всегда означает начало и окончание И.б., поскольку при распознавании этого интеракционного единства важен не столько синтаксис единиц сообщения, сколько просодические и невербальные средства. В строках 1 и 2 учитель задает вопрос и получает ответ (строка 3), которым мог бы завершиться И.б. (если бы совпадал, например, с боковой севенцией или со структурой участия). Однако И.б. продлевается до строки 7, на что указывает определенная интонационная модель (точный повтор учителем ответа студентов и использование ответа и соответствующего ритма для связи слов «сленг» и «в противоположность», продлевая ритм до начала другого вопроса), отсутствие пауз и ударения, понижающейся или повышающейся интонации. И.б. завершается строкой 7, содержащей подтверждение «правильно».

David Bloome, Stephanie Power Carter, Beth Morton Christian, Sheila Otto, Nora Shuart-Faris 2005.

Коммуникативный акт можно признать в качестве минимальной единицы речевого взаимодействия говорящих, т.е. межличностное общение (общение людей «лицом к лицу») протекает в форме коммуникативных актов в условиях единого когнитивного пространства (В.В. Красных). В свою очередь, *минимальную* структурную единицу коммуникативного акта составляет диалогическое единство, которое состоит из реплики-стимула и реплики-реакции, актуализирующих содержательную, конструктивную и ситуативную общность (Л.С. Гуревич). В отличие от коммуникативного акта речевой акт, как отметил А.А. Романов, «сам по себе не является единицей речевого взаимодействия, ибо в нем лишь частично находит свое отражение

двусторонний процесс общения. ... Речевой акт – потенциальная единица речевого общения, в которой лишь потенциально заложена способность к общению» [Романов 1988: 15]. При изучении К.а. основной интерес представляют интенции говорящего и реакции (интерпретанта) собеседника, статусно-ролевые характеристики коммуникантов, влияющие на выбор линии коммуникативного поведения и определяющие его содержательную сторону мотивационная составляющая, включающая мотивы и цели, которые, в свою очередь, представляют внутренние реакции общающихся на внешние обстоятельства. Синонимы: обмен, дискурсивный акт.

Макродиалог – предельная единица диалогической речи, включает в себя несколько микродиалогов, которые объединены одной ситуацией общения и образуют ситуативно-тематический комплекс. Синонимы: диалог, разговор, речевое событие. В литературоведении *макродиалог* определяется как открытая композиционно выраженная форма обсуждения идейного конфликта произведения, в которой равноправные идейные позиции противопоставлены друг другу в бинарной оппозиции; отличается intersубъективностью, интратекстуальностью и идеологичностью (М.М. Бахтин «Проблемы поэтики Достоевского» (1963).

Обмен – минимальная единица коммуникативного взаимодействия и дискурсивной интеракции. Включает последовательность связанных речевых ходов. Выделяются элементарные (из двух ходов: иницирующая реплика – реакция на нее) и сложные (насчитывают более 3-х реплик: например, вопрос – встречный вопрос / просьба уточнения / разъяснения - ответ) обмены. Синонимы: секвенция, интерактивный блок, простая интеракция, элементарный цикл (Сусов 1984; Макаров 2003: 186–187), интерчендж (interchange), «дискурсивный акт» (Henne, Rehbock 1982).

Речевое событие (speech event) – самый крупный элемент в структуре дискурса, завершённое речевое общение (ван Дейк 1989), вербальный коррелят типичной ситуации социального взаимодействия. Иерархически

включающая в себя такие единицы интеракции, как транзакция, обмен, речевой ход и речевой акт. Р.с. коррелирует с терминами «разговор» и «интеракция» в конверсационном анализе, «макродialog» или «макротекст» - в лингвопрагматике, речевого жанра – в лингвогенристике. Примеры Р.с. – переговоры, дружеская беседа, урок, телефонный разговор, проповедь, судебное заседание, тексты писем, беседа с врачом и др. Д. Хаймс при идентификации типа речевого события предлагает использование девяти категорий: 1) адресант и адресат (позднее автором была добавлена и категория «аудитория», так как присутствие других слушателей, кроме адресата, может существенно влиять на спецификацию речевого события); 2) «предмет речи»; 3) «окружение» («обстоятельства») - место, время, другие значимые параметры; 4) «канал» общения - способ осуществления коммуникации; 5) «код» - язык, диалект и др.; 6) «форма сообщения» - речевой жанр; 7) «событие» - природа коммуникативного события, в одном из жанров которого реализуется данная ситуация; 8) «ключ» - оценка эффективности речевого события; 9) «цель» - категория, отражающая намерения участников речевой ситуации (Hymes, 1972).

Секвенция - минимальное пространство осуществления скоординированных речевых действий участников, основная интеракционная единица в конверсационном дискурс-анализе. Производство первой части С. создает контекст для другой части, делая ее условно релевантной. Другими словами, все, что производится после 1-й части, рассматривается участниками как вторая часть. Так, любая реакция на приглашение будет пониматься как «релевантная», то есть как определенный вид согласия, отказа, оправдания и др. Если, например, первая часть С. является обвинением, то вторая часть пары с высокой степенью вероятности будет либо попыткой оправдаться, либо опровержением (несогласием). При этом обе реакции являются «условно релевантными».

Наиболее характерной разновидностью С. являются адъацентные пары: парные последовательные действия участников разговора, которые связаны друг с другом единственно возможным образом: «-Кофе?» «-С удовольствием!».

Структура участия/ партисипации (participation structures) – интеракционная единица дискурс-анализа: «разделяемые» участниками ожидания в отношении моделей взаимных протоколов речевых ходов с учетом типа ситуации или события. Выделение С.у., которые определяются на основе методики «взятия речевого хода», продиктовано стремлением адаптировать методику конвeрсационного анализа к особенностям типа ситуации, воздействующей на локальные интеракции и их структурные компоненты. С.у. предполагают наличие у участников интеракции общего «интерпретативного фрейма» об образце дискурса, в который они вовлечены, а также об ограничениях, которые этот дискурс накладывает на локальные интеракции.

Так, типичная трехкомпонентная модель смены ролей в речевой ситуации «урок» включает: а) Вопрос учителя или инициацию (Initiation); б) Ответ / реакцию студентов (Response); в) Оценку учителя (Evaluation) или другой вид обратной связи (feedback). В то же время, компоненты модели способны варьироваться в зависимости от контекстуальных составляющих речевой ситуации «урок». Так, модель не обязательно иницируется вопросом учителя. Оценка или обратная связь может быть имплицитована повторением учителем последнего речевого хода одного из студентов либо переходом к следующему вопросу. Студенты могут прерывать друг друга, отвечать хором, не вовремя вступать и т.д. Тем не менее, тип разговора, его «структуры участия» понятны как учителю, так и студентам. Это позволяет говорить о том, что «структура участия» является «интерпретативным фреймом» *определенного типа ситуации*, который направляет участников интеракции и «позволяет интерпретировать происходящее». Исследователями подчеркивается двусторонняя связь между С.у. и

макродискурсивными категориями: специфика ситуации частично определяет С.у., которые, в свою очередь, воздействуют на события и социальные институты, в которых такие единицы имеет место.

Трансакция – последовательность нескольких речевых ходов, соединенных тематически и стратегически (служат достижению цели определенной относительно завершенной фазы разговора); единица дискурса-анализа, превышающая по объему сложные обмены. В фатическом общении Т. совпадают с фазами коммуникации: Т. установления, поддержания и размыкания контакта (Матюхина 2004, Г.Г. Почепцов). Синоним: микродиалог.

КАТЕГОРИИ ДИСКУРСА – наиболее обобщающие характеристики дискурса, обеспечивающих его функционирование как сложного коммуникативно-когнитивного феномена с *когнитивной основой* в виде синхронизированных знаний коммуникантов о ситуации общения (ситуационный контекст, контекст локальных интеракций), друг о друге (психологический, межличностный контекст), коммуникативных конвенциях (коммуникативный контекст), этнокультурных и универсальных кодах и макросценариях, социокультурной и институциональной реальности (культурно-информационный, этнокультурный, интертекстуальный, социальный, исторический контексты) и с *прагматичным основой* - взаимной целенаправленной деятельностью коммуникантов по распознаванию закодированных в тексте интенций, аспектов и факторов интеракции, ситуационной модели, концептов общего концептуального пространства в соответствии с их моделями мира и знаниями о релевантных для осознания и интерпретации дискурса аспектах указанных контекстов.

Выявление К.д осуществляется в данном исследовании на таких основаниях:

1) принимая во внимание, что категориальный статус дискурса отграничивает его, с одной стороны, от текста как статического аналога дискурса и, с другой, от минимальных единиц речевого взаимодействия

(коммуникативного акта, интерактивного юнита и т.п.), которые являются динамическими образованиями, но не формируют дискурсивной целостности. Другими словами, определение К.д не может опираться на понимание дискурса в формально-текстуальной, текстоцентричном и функциональном аспектах.

2) на основе синтеза социо-семиотического и ситуативного подходов к интерпретации дискурса, так как условием обеспечения концептуальной и семиотико-кодовой целостности его ситуативных образцов является специфика дискурса как смоделированного (заданность процесса смыслообразования смысла и ситуационными моделями участников и, в конечном итоге, – доминантными дискурсами) и миромоделирующего феномена: воздействие автора / говорящего на ситуационные модели адресата; конститутивная роль нового знакового продукта в создании интертекстуальных, социальных и др. контекстов. Такой подход позволяет объяснить, с одной стороны, способ воздействия социокультурных факторов на структуры текста / дискурса и, с другой, роль дискурса в формировании контекста.

3) с учетом основного прагматического условия осуществления дискурса – взаимной ориентированности участников на интеракцию, совместную разработку семиотической структуры дискурса и определение межличностных отношений на основании согласования авторской интенции с интенцией и интерпретантой адресата.

На основе этих критериев выделены К.д: *концептуальная целостность, жанр, дискурсивная личностность, антропоцентричность, интерактивность, процессуальность, синергетичность, контекстуальность, заданность доминантными дискурсами, ориентированность на создание макросемиотических единиц (текстов или их совокупностей), замкнутость структуры, в устном дискурсе – категория мены коммуникативных ролей.*

Концептуальная целостность - когнитивно-конструктивная категория дискурса, обобщающая результат распознавания коммуникантами ключевых концептов концептуального пространства текста и организации макроструктур, связанных с признаками таких концептов, на основе «подведения» текстовой информации под ситуационные модели автора / адресата, соотнесения фрагментов текста с представлением о классе подобных ситуаций в сознании участников дискурса. Когнитивная основа категории – определенный изоморфизм ситуационных моделей коммуникантов и, шире, пересечение их моделей мира, прагматическая основа – стремление автора / говорящего быть понятным и влиять на ситуационную модель читателя / слушателя; стремление адресата понять смысл текста через поиск в памяти знакомой ситуации, наиболее сходной с новой, представленной текстом. Семиотическая основа категории – пересечение социокультурных и образных кодов автора и читателя, наличие по крайней мере одного общего для них механизма кодирования и интерпретации текста. Лингвистическим механизмом обеспечения категории является направленность процесса распознавания новой ситуации кореферентными высказываниями, которые содержат языковые средства с имплицитным или эксплицитным наименованием референта или прямо, косвенно, ассоциативно отсылают к нему. Повторение таких высказываний вызывает концептуальную репрезентацию целостной ситуации и сообщает знания о признаках концепта-идеи.

Категория К.ц. реализуется посредством подкатегорий **когезии** – формальной структурно-грамматической связности текста и **когерентности** – семантической и содержательно-смысловой связности, производной от когнитивно-конструктивного параметра дискурса, когнитивных процессов по распознаванию контекстуальной и ситуационных моделей. К. обеспечивает завершенность пропозиционального содержания, поддержку топика дискурса и возможность идентификации референтов, реализуется связью пропозиций,

устанавливаемых в дискурсе. Наиболее общее условие создания когерентного текста/дискурса – связь данной (посредством ретроспективной и текстовой референции или отсылки к фоновому пресуппозиционному знанию) и новой информации. Когнитивная основа К. – стремление автора/говорящего к интерпретируемости текста посредством включения нового «знания» в фоновую информацию адресата.

Жанр – категория дискурса, которая представляет стереотипные знания и представления коммуникантов о конститутивных параметрах дискурса как системы, способной воспроизводиться в повторных коммуникативных условиях. Соотносится с понятием суперструктуры и контекстуальной модели (Тойн ван Дейк), так как обобщает знания не только о типе грамматических особенностей, тематической составляющей, стиля, «ограничений» в дискурсивных ходах, но и о стереотипных ролях участников, их отношениях, целях, действиях (Van Dijk T.A. *Discourse and Context* с. 222). Другими словами, категория жанра не является исключительно формально-структурной, охватывающей параметры формы коммуникации и конвенционального вербального выражения, но и когнитивно-прагматической, поскольку включает знания о типичных для определенных дискурсов когнитивных факторах и типах интеракций с прогнозируемым набором составляющих.

Дискурсивная идентичность – категория дискурса, которая представляет наивысший уровень дискурсивной интеракции и является манифестацией и результатом совместных усилий автора и читателя по обработке текста, позволяя реципиенту текста видеть мир в значительной мере таким, каким его видит автор. Производная от взаимодействия общих сфер сознания (в первую очередь, ситуационных моделей и коммуникативной компетенции, включая знание первичных и вторичных речевых жанров, ролевых инвариантов и вариативных ролей с соответствующими коммуникативными стратегиями и тактиками)

вследствие взаимной ориентированности участников дискурса на реализацию программы интерактивности и интерпретации.

Антропоцентричность – К.д., представленная проявлениями антропологических концептов «субъект», «субъективность», «человеческий фактор», «автор», «индивид», «человек», «личность». В *когнитивном* аспекте рассмотрение этой категории проектируется на изучение речевой и коммуникативной личности / сознания автора и реципиента, их индивидуальной и идиоэтнической картинах мира, ситуационных и контекстуальных моделей - как параметров, определяющих возможность и ракурсы взаимосогласования когнитивной деятельности коммуникантов-антропоцентров по концептуализации содержания текста. В *прагматическом* ракурсе антропоцентричность реализуется посредством категорий интерактивности и мены коммуникативных ролей, подкатегорий адресантности, адресатности, стратегичности.

Различие между категориями антропоцентричности и дискурсивной идентичности: первая является категорией-константой, конститутивной для любой коммуникативной ситуации, в том числе ауто коммуникации. Любой текст субъектно центрирован – независимо от уровня пересечения сфер сознания коммуникантов, результативности их взаимовлияния на концептуальные системы друг друга и успешности создания «общей ментальности» конкретного текста. Однако разграничение указанных категорий становится в определенной степени условным в контексте новой парадигмы, связанной с переосмыслением феномена коммуникации, когда коммуникативной прерогативой становится «ориентация на другого» (М. Вебер), процесс распознавания «своего» в другом.

Интерактивность – дискурсивная категория, представленная интенционально-интерпретационной деятельностью коммуникантов по согласованию взаимоприемлемого инварианта текстового смысла на основе

расположения вариативных ситуационных моделей в общих когнитивно-контекстуальных пространствах (нахождение общих контекстов интерпретации сообщения). Обеспечивает формальную (когезию) и содержательно-смысловую (когерентность) связность текста. *Когнитивная основа* категории – комплекс совместных пресуппозиционных знаний, привлекающих определенные контексты и согласованные с ними интерпретативные практики, в рамках которых высказывание говорящего становится осмысленным (связным, контекстуализированным) для реципиента. *Прагматическая основа* интерактивности – ориентированность коммуникантов на взаимодействие и интерпретацию.

Категория И. реализуется посредством адресантно ориентированных подкатегорий *интенциональности* и *стратегичности* и адресантно направленной подкатегории *интерпретанты*.

Отличие категорий интерактивности и дискурсивной идентичности: первая – условие существования и реализации второй. Категория интерактивности манифестирует процесс развертывания дискурса, а категория дискурсивной идентичности – результат и смысл (целесообразность) этого процесса.

Процессуальность – Д.к, характеризующая его как семиозис, процесс гармонизации означающей деятельности коммуникантов по конструированию образа текста на основе взаимодействия вербального кода с «двувекторным» порождающим / рецептивным сознанием. Служит основой реализации категории *синергетичности*, характеризующей дискурс как нелинейное, неравновесное стремление к порядку, к определенной самоорганизации в систему концептуального пространства текста, «взаимно» согласованного коммуникантами в процессе его означивания.

Контекстуальность – Д.к, представленная знаниями и представлениями коммуникантов о физических, социокультурных,

психологических, коммуникативно-конвенциональных, этномаркированных и других характеристиках коммуникативной ситуации, которые опосредуют связь между текстом, социумом и порождающей / рецептивной деятельностью коммуникантов. Одна из реализаций контекстуальности – подкатегория *динамичности*, проявляющаяся наличием интертекстуальных и интердискурсивных связей того или иного типа дискурса с другими типами дискурса в синхронии и диахронии.

Заданность доминантными дискурсами – Д.к, отражающая специфику дискурса как смоделированного и миромоделирующего феномена, с предсказуемым семиотическим кодом, принципами и формами представления реальности, подсказанными институциональной и «бытовой» идеологией, которая обуславливает ситуационные модели участников, использование ими соответствующих коммуникативных стратегий и ролей. Соотносится с «принципом доктрины» М. Фуко (Foucault M. The order of discourse, с. 48-78) («доктрина связывает индивидов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым налагает запрет на все остальные ... она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать их от всех других»).

Замкнутость структуры – Д.к, которая обеспечивается синергетичностью системы дискурса, стремлением к концептуальной (категории концептуальной целостности, дискурсивной идентичности, контекстуальности), прагматической (категории интерактивности, антропоцентричности и процессуальности) и семиотической (ориентированность на создание макросемиотичных единиц, обусловленность доминантными дискурсами, жанр) упорядоченности.

Взаимосвязь Д.к.: Синергетичность реализуется посредством категорий, характеризующих системные модули дискурса:

ориентированности на создание макросемиотичных единиц (текстов и их совокупностей), дискурсивной идентичности, жанра. Процессуальность служит манифестацией и одновременно механизмом создания дискурсивной идентичности. В свою очередь, основой процессуальности и концептуальной целостности является контекстуальность как опосредованность дискурсивного взаимодействия когнитивными контекстами: говорящий предполагает, какие контексты «доступные» реципиенту и выражает мысли таким образом, чтобы последний был способен интерпретировать сказанное и распознать определенную ситуационную модель, находя соответствующий когнитивный контекст. Категория концептуальной целостности детерминирована обусловленностью ситуационных моделей участников доминантными дискурсами и жанровой моделью.

Категория мены коммуникативных ролей в устном дискурсе – категориальная характеристика дискурса и базисная категория коммуникации, обобщающая координацию речевых действий коммуникантов по согласованию сценариев ролевого поведения и конструированию «общего» значения в интеракции.

МКР – одна из конститутивных категорий дискурса, механизмом реализации которой является функционирование встречных ролей как результата совместных ролевых ожиданий интерактантов относительно соответствующих ментальных и поведенческих компонентов, сценариев коммуникативного поведения; прогнозирование взаимных речевых ходов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации ролей, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Ролевой набор проигрывается в ситуации, содержащей определенные ограничения для исполнения ролей – ролевые требования (тип дискурса, социальные отношения коммуникантов, степень их знакомства, уровень

формальности, ситуативный контекст, социальные нормы и конвенции и др.), которые могут создавать: а) ситуацию сдерживания роли / role strain (трудности в выполнении роли), б) ситуацию конкуренции ролей / role competition (трудности в выборе роли): в) ситуацию конфликта ролей / role conflict (определяет, какая роль требуется в конкретной ситуации); г) ситуацию симметрии и равноправия ролей. Достижение взаимного ролевого позиционирования во время коммуникации называется локализацией роли. К числу сигналов МКР относятся: 1) вербальные (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной смены ролей: метакоммуникативные элементы не так ли? ...правда? («'He's deserted you, hasn't he?'» [Bellow 1970, 320]); 2) паравербальные (темпоральные, мелодические и динамические акценты, силенциальные акты); 3) невербальные (средства кинесики и проксемики); 4) функциональные (совершение, по крайней мере, одного коммуникативного хода); 5) содержательные (длительность речевого хода обусловлена тем, что говорящему должно быть позволено установить релевантность того, о чем он говорит).

В зависимости от типа разговорного дискурса выделяются асимметричные (роль первого интерактанта является доминантной, роль второго – субординационной) и симметричные ролевые позиции (роли обоих участников интеракции являются равноправными). Первые отличаются «регламентацией» МКР как в институциональном (врач-пациент, учитель-ученик, начальник-подчиненный), так и лично-ориентированном (разговор родителя с ребенком) дискурсе. При этом речевые сигналы МКР индексируют статусно-ролевые характеристики собеседников (исследователи называют информацию такого рода социально-дейктической). В частности, преимущественное право коммуникативной инициативы может проявляться в инициировании ходов в речевых ходах типа вопрос — ответ, однонаправленном характере речевого обмена, посредством прямого или

косвенного “назначения” следующего говорящего (в институциональной коммуникации с несколькими участниками) и использованием с этой целью речевых актов «структивов», перехватывании ходов собеседника, прерывании, наложении ходов, нерелевантных паузах, пропусках речевых ходов в ответ на просьбы и предложения, других «непредпочтительных» реакциях. Для индексирования коммуникативного статуса используются различные средства «личностной референции», формы единственного / множественного числа при обращении в процессе «взятия хода» (Говорите, пожалуйста; Говори!). Вторые (симметричные роли) характеризуются равноправным речевым обменом, его разнонаправленным характером, соблюдением «содержательного» критерия смены ролей (каждому говорящему «предоставляется время» установить релевантность того, о чем он говорит), возможностью “нулевой” регуляции, когда сами участники общения “берут слово».

Категориальная специфика МКР выявляется в конститутивной, формально-структурной и содержательной функции этого дискурсивного механизма как основы упорядоченности и развития разговорного дискурса. Согласно разговорному анализу и «механизму членства категоризации» Г. Сакса, ориентированность участников на использование коммуникативных ролей обуславливает их речевые ходы и прогнозирует направление и формально-содержательные характеристики разговора в целом. Совместное конструирование дискурса интерактантами основано на МКР и упрощенно может быть представлено следующим образом: роль (ее идентификация участниками / самоидентификация) - речевой ход в поддержку роли - речевой ход в противодействие роли - изменившаяся роль – новый речевой ход – и т.д. Предложение собственного ролевого сценария и ожидание от собеседника ответных ролевых действий (парных, встречных ролей) основано на способах категоризации говорящими себя и других. Мы считаем, что теоретическим обоснованием дискурсивного потенциала МКР служит

концепция Г. Сакса «анализ членства категоризации» (*membership categorization analysis*), хотя сам исследователь никогда не рассматривал предложенный им инструмент разговорного анализа в дискурсивном аспекте. Теория была разработана с целью обоснования этнометодологического принципа строгой упорядоченности естественной речи, однако позволяет, на наш взгляд, выявить лингвокогнитивную природу ожиданий интерактантами определенных сценариев ролевого поведения – особенно принимая во внимание, что МКР является основой упорядоченности диалогического дискурса.

«Механизм членства категоризации» (*membership categorization device*) включает два компонента: совокупность категорий (*collection of categories*) и правила применения (*rules of application*). Каждая категория предполагает определенный набор категориально связанных действий (*category bound activities*) и характеристик – естественных предикатов (*natural predicates*).

Например, существуют конвенциональные ожидания относительно нормального поведения участника дискурса в коммуникативной роли «должник» (речевые ходы «просьбы», «обоснования», «оправдания» и другие действия «подотчетного» характера). В то же время отсутствие таких «категориально связанных действий» будет маркированным в интеракции, нуждаясь в дополнительном объяснении – например, если заемщик начнет выполнять коммуникативный сценарий, ожидаемый от роли «кредитора» или «спонсора».

Нормативность речи как основной постулат разговорного анализа предопределяет, что ролевые субъекты являются представителями категорий, «подходящих» для осуществления определенной пары действий (предсказуемые наборы коммуникативных ролей): «обвинитель – жертва», «обвинитель – обвиняемый», «обвинитель – виновный», «ребенок – взрослый», «начальник – подчиненный». Правила упорядоченности парных

ролевых действий в виде проигрывания «встречных» ролей служит проявлением упорядоченности «естественной» диалогической речи и, шире, принципа релевантности, предполагающим определенную координацию деятельности говорящих.

Конститутивная функция МКР выявляется как в диалогической, так и в монологической речи, отличаясь различными механизмами реализации. В монологе – это мена категориальных ролей (ролевых инвариантов) или их расщепление на оперативные позиции на основе общности концептуальных характеристик инварианта и вариантов роли. В диалогической речи упорядочивающая функция МКР реализуется посредством: а) набора встречных ролей с общими ролевыми ожиданиями коммуникантов относительно сценариев коммуникативного поведения; б) прогнозирования речевых ходов интерактантов как результата предложения, приписывания, подтверждения, игнорирования, опровержения, демонстрации роли, что определяет направление интеракции, выбор основных и дополнительных тем разговора.

Рассмотрим специфику МКР как механизма обеспечения содержательной и формально-структурной связности монологического и диалогического текстов. Так, в монологах психологического романа Сола Беллоу «Герzog» ролевой инвариант главного персонажа «профессор-интеллектуал» определяется уровнем его образования (интеллектуал), родом деятельности (профессор, философ) и социопсихологическим типом («интуитивно-логического иррационального интраверта»). В то же время одним из оперативных вариантов категориальной роли «профессор-интеллектуал» является роль «ребенок». Гомогенность оперативного варианта и ролевого инварианта обеспечивается общностью пропозиций концептуального плана этих ролей: «беспомощность», «доверчивость», «наивность», «отсутствие практицизма», «неспособность принять решение». МКР в виде реализации категориальной роли «профессор-интеллектуал» в

оперативном ролевом варианте «ребенок» становится механизмом актуализации смысла, обосновывающего психологическую драму главного героя романа. Т.О. «неконвенциональный» сценарий ролевого поведения персонажа задает развитие дискурса в направлении раскрытия общности концептуальных характеристик проигрываемой им категориальной роли и ее оперативного варианта.

В диалогической речи мена аналогичных ролей имеет иное обоснование и служит средством «по-ходовой» упорядоченности парных ролевых позиций и связанных с ними речевых действий собеседников.

Так, если в речевой ситуации «консультация» один из интерактантов, выступающий в институционально обусловленной роли «профессора», вдруг начинает проигрывать «не статусную» субординационную роль «ребенка» с использованием жанров жалобы или квеситивов-просьб, инициирующих от собеседника речевое действие «помощи в виде совета» и т.д., такое ролевое поведение, «ненормативное» с точки зрения «механизма членства категоризации», будет нуждаться в объяснении. Наиболее вероятным обоснованием неконвенционального оперативного варианта будет «невыполнение» интерактантом «профессора» встречной институциональной роли в паре «профессор – студент» и предложение вместо нее «бытовой» роли «советчика», «сочувствующего» (оперативных вариантов ролевого инварианта «взрослый»). Выбор доминантной роли (например, в силу межличностного доминирования собеседника в психоэмоциональном, референтном или др. отношении) определяет навязывание собеседнику «парной» субординационной роли. Далее диалог будет развиваться либо в направлении сопротивления этой роли, либо согласия с ней, определяя выбор направления разговора, основных и дополнительных тем, порядка построения и развития секвенций, содержательную и формальную организацию коммуникативных ходов интерактантов.

ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА – дифференциальные характеристики дискурса, которые выявляют специфику его составляющих – текста, коммуникантов, интеракции, контекста и служат основой для отграничения различных дискурсивных образцов. П.д заданы *категориями дискурса* и манифестируют такие категории. При этом каждая категория реализуется разноуровневыми параметрами, выявляя особенности дискурса как многоаспектного – лингвосемиотического, когнитивного и коммуникативного феномена. С другой стороны, один и тот же параметр в зависимости от его функционирования в различных дискурсивных образцах может служить реализацией нескольких категорий и анализироваться в аспекте таких категорий как своеобразных классификационных рубрик. Например, *интертекстуальность* как П.д манифестирует такие категории, как *контекстуальность, заданность доминантными дискурсами и ориентированность на создание макросемиотичных единиц*. В первом случае важны такие свойства параметра, как его связь с интертекстуальным контекстом, во втором – способность выявлять смоделированную природу дискурса, в третьем – специфику дискурса как миромоделирующего феномена.

Наиболее удобной является классификация параметров исходя из уровней стратификации дискурса: на *вербально-семиотические, содержательно-смысловые, мотивационно-прагматические и когнитивно-концептуальные*.

ВЕРБАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ – текстуально-лингвистические характеристики, определение которых соотносится с фазой описания (дескрипции) как процедурой исследовательской методологии наряду с интерпретацией и объяснением (по Н. Фейрклау), система лексико-грамматических вариантов выбора, из которых тексты / авторы выбирают, что необходимо включить или исключить и как оформить» (Benwell 2006: 108)

На этом этапе анализа систематически изучаются выбор и модели словаря (лексико-речевые средства: тематический ряд, оценочные номинативы, атрибутивы, положительные и отрицательные экспрессивы, фразеология, местоимения – инклюзивное *мы*, неформальное *ты* и др.); риторические средства, стиль (эпитеты, метафоры, метонимии, синекдохи, эвфемизмы и др. тропы, стратегии митигации и хеджирования); семантико-синтаксические фигуры (антитезы, градации, повторы); клишированность (прежде всего, политические клише), грамматика / синтаксис (выбор синтаксических конструкций, особенности придаточных предложений, оборотов с функцией выдвижения информации, топикализации, вывода на передний / задний план агента действия, модальность, пассивация / активация, генерализация, номинализация, маркированная / немаркированная тема, наклонение, транзитивность); средства когезии, когерентности (способы формальной и смысловой связи, топикальной согласованности смыслов, маркирования основной темы и эпизодов, тематические и кореферентные высказывания, заголовки, зачины, выводы), просодические модели, интонация и ритм в устной речи, а также графологические особенности (размер шрифта и т.д.) в письменных текстах.

Средства вербально-семиотического уровня как этапа дескрипции дискурса являются базой для определения параметров интерпретационных уровней (содержательно-смыслового и мотивационно-прагматического), которые, в свою очередь, поддаются объяснению посредством когнитивно-концептуальных параметров.

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ – характеристики, которые обеспечивают особенности генерирования текстовых смыслов в дискурсе; их выявление соотносится с фазой интерпретации как процедурой исследовательской методологии наряду с описанием (дескрипцией) и объяснением (по Н. Фейрклау). Условно делятся на макропараметры:

содержание и *смысл* текста и параметры: *пресуппозицию, экспликатуру, импликацию, импликатуру, референцию, интертекстуальность*..

Содержание текста - информация, закодированная в тексте благодаря конвенциональным значениям языковых знаков; инвариантная составляющая текстовой информации, которая соотносится с темой текста и является относительно независимой от контекста и вариативности ситуационных моделей автора / адресата.

Смысл текста – нерасчлененный образ текста, вариативная составляющая текстовой информации, взаимосогласованная коммуникантами на основе «подведения» пропозиций текста под вариативную и контекстуально зависимую часть ситуационных моделей автора / адресата с учетом их взаимной ориентированности на реализацию программы интерактивности и нахождение общих механизмов кодирования и интерпретации текста. Коррелирует с понятиями «внутренней формы», концептуальной целостности текста, концепта-идеи.

Особенности соотношения макропараметров дискурса (удаления или сближения содержания и смысла текста) зависит от реализации содержательно-смысловых параметров: их представленности / отсутствия, количественного преобладания, степени выявления, что позволяет дифференцировать различные дискурсы (сравните, например, «многозначность», смысловую амбивалентность политического, художественного, разговорного, рекламного и др. дискурсов, «обеспеченную» импликатурами, импликациями, инференциями, прагматическими пресуппозициями – и, с другой стороны, смысловую «однозначность» научного, юридического, административного дискурсов со значительной ограниченностью или отсутствием указанных параметров.

Импликация – содержательно-смысловой параметр дискурса, средство расширения содержания текста; логико-семантический вывод на основе

семантических или грамматических характеристики высказывания, структур или слов, которые являются носителями скрытой предикативности и содержат дополнительное предложение, которое комментирует эксплицитно выраженную информацию.

А. «Как ты думаешь, она никому не расскажет?»

Б. «Она никогда не держит своего слова».

В приведенном примере основой для импликации «Не сдержит его и в этот раз» будет адвербиальный семантический признак, характеризующий действие с точки зрения ее частотности.

Импликатуры (конвенционные, неконвенционные) – содержательно-смысловой параметр дискурса, имплицитная информация, которая является семантико-прагматическим компонентом высказывания, который, в отличие от импликации, не является семантическим выводом, выявляющим следственную связь с эксплицитно выраженной информацией.

А. «Как ты думаешь, она никому не расскажет?»

Б. «Успокойся, все будет хорошо».

В приведенном примере собеседником А., вероятнее всего, будет извлекаться имплицатура «может рассказать», которая не связана с содержанием реплики Б. причинно-следственными отношениями, и выводится как прагматический компонент смысла на основе знаний основных правил кооперации: уклонение от прямого ответа означает нежелание огорчить «правдой».

Извлечение импликатуры связано с соблюдением (*конвенционные импликатуры*) или нарушением (*неконвенционные*) кооперативных максим Г.П. Грайса – правил, которые в совокупности регулируют обмен информацией между собеседниками. Это максима количества информации,

согласно которой говорящему следует быть настолько информативным, насколько это необходимо; максима качества информации: «старайся, чтобы твое высказывание было истинным»; максима релевантности - «не отклоняется от темы»; максима способа выражения: «высказывайся ясно», избегай неоднозначности. Нарушение максим является знаковым в сообщении определенных импликатур. Так, в приведенном примере импликатура возникает вследствие нарушения максимы релевантности информации.

Конвенциональная импликатура – содержательно-смысловой параметр дискурса, средство расширения содержания текста; конвенционально выводится на основе предположений о том, что люди придерживаются кооперативных максим (Н. Фэйрклау). В частности, стандартной импликатурой из высказывания *'Is there anything to see in Lancaster?'*, будет смысл «он не много знает о Ланкастере», который выводится адресатом с учетом того, что говорящий соблюдает 2-ю максиму – качества информации (правдивости) (Fairclough 2003).

Неконвенциональные импликации – содержательно-смысловой параметр дискурса, средство расширения смысла текста, которое характеризуются «стратегическим отсутствием эксплицитности». Понятие неконвенциональной импликации сопоставимо с прагматическими или контекстуальными выводами. Разновидностью неконвенциональных (коммуникативных) импликатур являются имплицитные значения, выводимые в результате нарушения кооперативных максим Х. Грайса: когда максима явно нарушается, однако интерактанты продолжают соблюдать ее на имплицитном уровне общения. Например, излишнее многословие политика, нарушающее максиму количества информации, может быть индексом им «А. -- Мне так много нужно тебе сказать
Б. – Увидимся завтра»

Импликатура «собеседник не хочет об этом говорить» восстанавливается А на основе нарушения Б максим релевантности (отклоняется от темы) и количества информации (его реплика не информативна).

По типу выводного знания *неконвенциональные импликатуры* представляют вероятностно-индуктивные инференции – информацию, полученную на основе аспектов внешнего и внутреннего контекста, знаний социокультурного характера, которая выполняет в дискурсе функцию проверки интерпретаций, гипотез, ассоциаций и т.д

Признаки речевой (*неконвенциональной*) импликатуры.

1) Может быть отменена контекстом (Cancellability): Импликатура «собеседник не хочет об этом говорить» отменяется продолжением фразы Б. Увидимся завтра. Сейчас я очень спешу, а завтра все обсудим».

2) Вычислимость (Calculability): импликатура обосновывается с помощью максим кооперации.

3) Неконвенциональность (non-Conventionality): не является общепринятой, не входит в лексическое значение определенного слова, не вызывается использованием определенного выражения.

Конвенциональная импликатура: НЕ отменяются контекстом, НЕ обосновывается с помощью максим кооперации, является общепринятой, использованием определенного выражения.

Пресуппозиция – содержательно-смысловый параметр дискурса, предпосылка общения, внетекстовый смысл, который вводится в дискурс как общеизвестное, очевидное для участников коммуникативной ситуации. В отличие от импликации и импликатуры, не является новой информацией, предметом «обсуждения» в тексте, приписыванием характеристик субъекту, объекту, ситуации. Выделяются *семантические (категориальные,*

экзистенциальные, фактивные) и прагматические (межличностные, ситуационные и конвенционально-стратегические) П.

Семантическая П. – компонент смысла высказывания, который должен быть истинным для того, чтобы сообщаемое не воспринималось как семантически аномальное или неуместное. Так, высказывание «Ему сказали, что принцип экспансионизма отстаивает изоляцию лингвистики от других наук» является семантически аномальным, так как его пресуппозицией служит ошибочное утверждение. Выделяются *категориальные*: ограничения на семантическую сочетаемость («Кричит полоска света, прищемленная дверьми» (А. Вознесенский) – нарушение сочетаемости, связанной с категорией одушевленности / неодушевленности), *экзистенциальные*: предположение о том, что нечто существует (Сравнительно-исторический метод возникает в конце 18 ст. – пресуппозицией подразумевается существование такого метода) и *фактивные*: предположение о том, что нечто имеет место, может иметь место и будет иметь место («На семинаре отсутствовал только один студент» (пресуппозиция «все остальные были»)).

Прагматические П. – условия или контексты, существование которых необходимо для успешного осуществления интеракции, реализации коммуникативной стратегии говорящего / адресанта в отношении адресата. К таким условиям относятся статус говорящего и слушающего, отношения между ними, возраст, гендер, наличие или отсутствие определенного окружения, условия успешности общения и другие прагматические факторы общения.

Прагматические П. можно дифференцировать на *межличностные, ситуационные и конвенционально-стратегические.*

Межличностные П. включают знания коммуникантов друг о друге (статус, взаимоотношения, гендер, возраст, информация о третьих лицах, принадлежность к социокультурной группе и др.) обуславливает

возможность применения стратегий и тактик, проигрывания определенных коммуникативных ролей с целью обеспечения эффективной интеракции. *Ситуационные П.* – знания коммуникантов о природе конкретной коммуникативной ситуации, в которую включен текст. *Коммуникативно-конвенциональные П.* – знания о правилах и конвенциях коммуникативно-стратегического поведения, общедоступные в данной культуре: универсальные правила общения (максимы кооперации), условия успешности речевых актов, жанровые прототипы, стратегии и максимы вежливости, ролевые инварианты участников в определенных социальных ситуациях.

Соответственно, индексом П.п служат любые речевые факты, связанные с прагматической маркированностью высказываний в виде соблюдения / нарушения принципа кооперации, применения стратегий вежливости, использования актов, которые угрожают «лицу» одного из интерактантов, не прямых речевых актов и др.

Все три вида прагматических пресуппозиций образуют единый когнитивный контекст интерпретации текста / дискурса, т.е. используются как общее для интерактантов пространство контекстуализации, в процессе которой текст «приспосабливается» участниками интеракции к определенному контексту (совокупности контекстов).

Анализ П.п: «Почему никто, кроме меня, никогда не выводит на прогулку этого пса?»

Коммуникативно-конвенциональные П. для данного высказывания включают: а) знания собеседников о кооперативных максимах и, в случае их нарушения, о правилах извлечения имплицатур; б) иллокутивную компетенцию, способность использования и распознавания косвенных речевых актов – в данном случае, квеситива с иллокуцией директива; в) знание стратегий негативной (дистанцирования) и позитивной (сближения)

вежливости. Выбор коммуникативно-конвенциональных пресуппозиций обусловлен *межличностными* ПП – знаниями об адресате как о принадлежащем к микросоциальной группе «семья», то есть располагающим значительным фондом общих фоновых знаний, позволяющих редуцировать информацию, игнорируя кооперативные максимы; знаниями о взаимоотношениях и статусном распределении социокоммуникативных ролей в пределах этой группы, дистанции между собеседниками, что определяет выбор средств негативной вежливости и не прямых актов – не прямой митигированной формы обращения, предназначенной сохранить «лицо» самого говорящего (если его «не услышат») и адресата, предоставляя ему выбор – распознать иллокутивную силу вопроса, или «не отреагировать»). Наконец, *ситуационные* ПП обобщают знания коммуникантов о событиях, которые происходят в данной семье и структурируются фреймами «наша собака», «мой муж», «моя жена», «наша семья», «наши дети», «обязанности по дому» и др.

Референция – содержательно-смысловой параметр дискурса, манифестирующий отнесенность текстового мира, смоделированного авторским сознанием, к обозначенным текстом ситуациям, событиям, объектам действительности или к «возможным мирам». Р. интенциональна, интерсубъективна, пресуппозициональна.

С точки зрения пресуппозиций коммуникантов о существовании объекта / ситуации / состояния вещей выделяют *идентификационную*: говорящий и адресат разделяют знания о референте (Ты будешь читать сегодня свой доклад по нарративному анализу?); *интродуктивную*: адресант вводит объект / фрагмент внеязыковой действительности, неизвестный адресату (Сегодня будет семинар по нарративному анализу) и *неопределенную*: информация о референте не известна ни одному из коммуникантов (Говорят, сегодня выступает какой-то новый лектор) Р.

В аспекте соотношения текстовой информации с реальным положением вещей выделяется *фактуальная* (описывает реальную ситуацию или положение вещей), *смоделированная* (замена референта псевдореферентом, которым выступает сигнификат текста) и *интерпретационная* (наделение ситуации дополнительными признаками в соответствии с замыслом и ситуационной моделью автора, когда связь текста со своим референтом опосредована ключевым концептом) P.

В аспекте модели интерпретации референта (использования внутритекстовых связей, привлечения культурно-семиотического ресурса или доминантных дискурсов) выделяются *внутритекстовая*, *интерсемиотическая*, и *социосемиотическая* P.

Внутритекстовая P. – отсылка к внетекстовой референтной ситуации посредством установления логических (идентификационных, каузативных, характеристики и т.п.) и ассоциативных отношений между внутритекстовыми референтами (предметами, субъектами, явлениями, ситуациями) в их проекции на референт текста. Средства В.р: эксплицитные и имплицитные номинации, прямые, косвенные или ассоциативные отсылки, управляющие процессом распознавания референтной ситуации адресатом.

Интерсемиотическая P. – отсылка к культурно-семиотической (семиосферной) модели интерпретации референта как определенного культурно «признанного» канона, который привлекается автором с целью согласования его видения ситуации или положения вещей с культурной моделью мира адресатов. Анализ И.р. фокусируется на двух типах анафорических отношений текста с интертекстуальным контекстом: от текста (как одной из версий референта) – к семиосфере, и от семиосферы (моделирующей «обобщенную» версию референта) - к тексту. Вектор «от текста к семиосфере» учитывает способность внутренней формы текста, интегрированной его концептом-идеей, быть средством генерирования

смыслов в знаковом пространстве текстов, гомогенных в концептуальном или смысловом отношении. Направление «от семиосферы к тексту» выявляет опосредованность интерпретации референта интертекстуальными связями с другими текстами.

Социосемиотическая.Р. – имплицитная отсылка к доминантным дискурсам (институциональным, бытовой идеологии «здравого смысла» и т.п.) со стереотипным способом обозначения определенных референтов, который «выдается» за реальное положение вещей. Распространенными средствами С.р. являются: стереотипные оценки, указывающие на институционального адресанта, концептуальные метафоры, лингвоидеологемы, топосы, свернутые тексты-отсылки к сценариям коммуникативного поведения, типичным для определенных агентов и коммуникативных ситуаций. Так, по мнению Т. ван Дейка, символические ценности «толерантность», «международная репутация», «культурное разнообразие» всегда индексируют дискурс сторонников иммиграции, в то время как дискурс ее противников опирается на топосы «финансовое бремя», «экономическая ситуация», «культурная гомогенность». Социосемиотическая.Р. предполагает три этапа реализации: а) введение ценностного критерия, который схематично упрощает обозначенную текстом ситуацию или положение вещей до ценностной дихотомии («порядок - анархия», «справедливость - несправедливость», «демократия - тоталитаризм» и др.); б) референтное наполнение «пустого» понятия, символизирующего ценность, посредством обращения к его эмпирическим референтами – объектам, ситуациям, которые обеспечивают «реальность» ценности в ситуационной модели адресатов дискурса; 3) вытеснение истинного положения вещей (референта текста) его сигнификатом.

Интертекстуальность – содержательно-смысловой параметр дискурса, который выявляется в сосуществовании двух или более текстов в одном, что

проявляется на содержательно-смысловом, жанрово-стилистическом, структурно-композиционном и знаковом уровнях (И. в узком смысле); взаимодействие ценностно-смысловых позиций коммуникантов вследствие глобальной контекстуализации текста как части общего процесса коммуникации в текстовых семиосферах, гомогенных исходному тексту в концептуально-смысловом отношении (И. в широком смысле в понимании М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ю.М. Лотмана). Как параметр расширения *содержания* текста И. реализуется посредством прямого, косвенного, свободного косвенного цитирования, нарративного сообщения о речевом акте без изложения его содержания, псевдоцитирование (когда автор выражает «чужую» безадресантную точку зрения как основу для полемики и высказывания собственной позиции).

Средствами И. как механизма углубления *смысла* текста, формирования его концептуального пространства служат: а) реминисценции (диалогизация текстов на одну или концептуально близкую тему на уровне структурообразующих элементов, мотивов, аллюзий, сюжета, композиции, характеристик действующих лиц, особенностей стиля, вербального оформления); б) прецедентные феномены, имеющие лингвокультурологическую ценность; 3) семиосферные или институциональные концепты, аргументы, топики, ролевых инвариантов (последняя группа средств реализует И. в широком смысле).

Средства И. одновременно служат механизмом осуществления интерсемиотической и социосемиотической референции.

МОТИВАЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ – характеристики, которые выявляют взаимную ориентированность участников дискурса на интеракцию, фиксируют процесс и результаты их деятельности по определению межличностных отношений на основании согласования

авторской интенции с интенцией и интерпретантой адресата и разработки взаимоприемлемого инварианта текстового смысла.

Условно такие параметры можно разделить на три группы: коммуникативно-личностные, ситуационные, интенционально-стратегические.

Коммуникативно-личностные параметры – разновидность мотивационно-прагматических параметров, связанные с социопсихологическими аспектами дискурсивной интеракции. Включают *адресанта* и *адресата*, их *коммуникативные роли*; *межличностный контекст*.

Ситуационные параметры – вид мотивационно-прагматических параметров, поясняющих опосредованность интеракции референциальными факторами, (обстоятельства, место, время, пространство коммуникации),

Интенционально-стратегические параметры – разновидность М.п.п., связанных с оптимизацией интерактивности: коммуникативные конвенции, стратегии, тактики, речевые ходы коммуникантов.

Коммуникативно-личностные параметры.

Адресант (Addressant; Sender) – коммуникант-отправитель сообщения, порождающий высказывание и определяющий его «предметно-смысловую сторону» и целостность (М.М. Бахтин «Проблема речевых жанров»). С точки зрения адресанта и его интенций устная речь рассматривается теорией речевых актов (иллокутивный критерий, т.е. критерий интенций говорящего, является основанием наиболее распространенных типологий речевых актов); теорией речевых жанров (на иллокутивном критерии основаны таксономии речевых жанров Н.Д. Арутюновой, О. Розенштока-Хюсси). Преимущественно в адресантном аспекте (с позиции говорящего) изучается прагмалингвистическая проблема косвенных смыслов высказываний и косвенных речевых актов. В современной когнитивно-дискурсивной парадигме А может рассматриваться и как интерактивный феномен

благодаря его прогностической функции в отношении развития интеракции и речевого поведения слушающего. В этой связи, перспективным направлением служит изучение полифункциональности адресанта и его расщепления с целью воздействия на интерпретирующую позицию адресата (М. Бахтин, Ы.М. Колегаева, Е.А. Селиванова), типологизация адресанта в связи с коммуникативно-прагматическими аспектами текстообразования (Г.И. Богин, Т.В. Радзиевская, W.J. Levelt). В устном дискурсе (как разговорном, так и институциональном) перспективным направлением является изучение адресанта как совокупности ролевых инвариантов (категориальных ролей) и вариативных ролевых позиций, которые проигрываются А в зависимости от статических и динамических факторов ролевой дифференциации. В ракурсе конверсационно-аналитических исследований продуктивным представляется изучение категории А. в связи с реализацией принципа релевантности, который всегда предполагает координацию некоторой деятельности говорящих, и категорией парных, конгруэнтных ролей (см. «Категория мены ролей»). В теории речевых актов образ адресанта изучается как смыслоконструирующий аспект РА. Критический дискурс-анализ рассматривает адресанта как продукт доминантных дискурсов, который, в свою очередь, конструирует дискурсивную реальность согласно собственным ситуационным моделям и служит механизмом проявления и воспроизводства посредством дискурса властных отношений в обществе. Основным вкладом адресантно ориентированных исследований в теорию дискурса стала разработка понятия интенционально обусловленной *коммуникативной стратегии*, а также *интенциональности* и *стратегичности* как дискурсивных покатегорий.

Адресат – коммуникант, который получает, воспринимает и интерпретирует предназначенную ему информацию, переданную адресантом в процессе коммуникативного акта; читатель или слушатель в совокупности его социальных и ситуативных ролей, знаний о мире, мотивов и целей и пр. По

своей коммуникативной функции А. дифференцируется на собственно адресата, адресата-ретранслятора, квазиадресата, косвенного адресата, со-адресата и др. (подробнее см. (Почепцов 1986:10–17)). Адресатно ориентированный подход связан с понятием интерпретанты (введено Ч. Пирсом), которая является составляющей стратегичности дискурса и определяется как нацеленность адресата на восприятие текста, дискурсивное взаимодействие.

Коммуникативная роль – параметр персонального и институционального дискурса, сложный лингвокоммуникативный феномен, который ориентирован на активацию определенного компонента в языковом и коммуникативном сознании участников общения в соответствии с 2-мя группами факторов: а) относительно статическими – типом коммуникативной ситуации с фиксированным набором переменных: социальными (социальный статус, тип социальных отношений), культурными (традиции), личными (возраст, пол, психологический тип) характеристиками интерактантов; б) факторами ролевой динамизации (встречной ролью, учетом коммуникативного поведения собеседника, изменений локального контекста, экстралингвистических ситуативных факторов, влияющих на ход общения). Основными компонентами теории ролей являются субъект (Self / Ego), объект (the Other / Alter) коммуникации и коммуникативная ситуация (Environment / Situation), которые совместно и уточняют социорольевые проявления личности в интеракции. Концепт "роль" включает две составляющие: ментальную (осмысление роли) и поведенческую (исполнение роли). Характеристики К.Р. – «шаблонность» взаимных прав и обязанностей, ролевые «ожидания», «фиксированность стандарта поведения», в том числе речевого, заданность социальными характеристиками личности: ее социальным статусом, возрастным, гендерным и другими факторами. Параметры роли: лингальные, прагматические и когнитивно-концептуальные. Когнитивной основой роли

являются предикативные признаки фрейма-сценария коммуникативного поведения, «закрепленного» за ролевым инвариантом. Прагматическая составляющая коммуникативных ролей – особенности соблюдения / нарушения их исполнителями кооперативных максим, использования дискурсивных импликатур, применения стратегий негативной и позитивной вежливости, максим вежливости, актов, которые «угрожают лицу» собеседника; косвенных речевых актов, выбор стратегий, употребление манипулятивных форм воздействия на интерактанта, хеджирования, митигации и т.д. Основоположниками теории ролей считаются американский социальный психолог и прагматик Дж. Мид, а также антрополог Р. Линтон, которые ввели понятие «роль» в научный оборот. Основные аспекты изучения ролей в нелингвистической традиции: а) постулирование связи роли и статуса: роль – как динамический аспект социального статуса, направленный на выполнение прав и обязанностей, закрепленных за конкретным статусом: нет ролей без статуса и статуса без ролей; б) рассмотрение личности и ее роли как «условного» продукта глобальных интеракций: Мишель Фуко обосновывает социальную и ролевую идентичность субъектов как «сконструированные» категории, продукт доминантных дискурсов (подход, далее развитый критическим дискурс-анализом). Субъект дискурса является фрагментированным, рассредоточенным (*dispersed*). Каждая новая роль связана с привлечением новых дискурсивных элементов и отмечается скоротечностью, многообразием (адаптивностью), притворством; в) рассмотрение личности и ее роли как «условного» продукта локальных интеракций: Э. Гоффман определяет роль как «перформанс», игру, «представление себя» (*impression management*) и «презентацию себя» (*presentation of the self*) согласно требованиям окружения и адресата. Выбор ролей обосновывается как процесс изменения фреймов в течение интеракции. Так, в речевом действии «извинения» главный участник как бы распадается на две части (т.е. проигрывает две социокоммуникативные роли): виновного в совершении

поступка и того, кто осуждает этот поступок, признавая принятые правила поведения.

Вслед за философией и социологией в современной коммуникативно ориентированной лингвистике К.р. рассматривается как результат действия дискурсивных факторов как глобального, так и локального характера. С одной стороны, на процесс активации и изменения коммуникативных ролей влияют культурно-информационные процессы, социальные, культурные, этнические, психологические параметры ролевой дифференциации коммуникантов. С другой стороны, «приобретение» и использование К.Р. продиктовано потребностями интеракции: именно ролевая категоризация побуждает участников к дальнейшему разговору или, наоборот, удерживает от общения. В связи с этим, существует две противоположных тенденции в исследовании К.Р. как дискурсивного феномена. Первое представлено школами микроанализа дискурса (конверсационный анализа, «анализ членства категоризации», этнометодология), которые фокусируются на изучении интеракциональной организации дискурсивных ролей, т.е. того, каким образом взаимная ролевая категоризация побуждает участников к продолжению интеракции, задавая ее направление, или, наоборот, удерживает от дальнейшего общения. Центральным понятием конверсационного анализа является turn-taking – попеременного взятия речевого хода посредством смены коммуникативных ролей (см. также п. «конверсационный анализ» и «мена К.Р.»). Выводы по ролевой дифференциации участников разговора основываются на наблюдении за их коммуникативной поведением, которое изменяется в зависимости от того, как та или иная ролевая категория идентифицируется, поддерживается, игнорируется, опровергаются участниками в процессе интеракции. Вне рамок такого описания остается влияние на интеракция и смену коммуникативных ролей ситуативных и культурно-информационных процессов.

Второе направление (критический дискурс-анализ, нарративный анализ, социолингвистические подходы, современная лингвистическая генристика) фокусируется на изучении макропараметров ролевой дифференциации коммуникантов. В частности, в «каноническом» нарративном анализе в основе выделения ролей персонажей положены функции, которые они выполняют в развитии сюжета: герой, лжегерой, вор, помощник, жертва, искатель, даритель.

Нарративной подход к анализу К.р. апробирован на материале политического дискурса, в котором политики рассматриваются как типичные персонажи, выполняющие стереотипные функции в развитии политического сюжета выборов, переговоров, скандала. «Теория позиционирования» изучает К.р. в ракурсе взаимосвязи локальных рассказов «про себя» с «базисными» нарративами – универсальными культурными сценариями, интертекстуальными сюжетными линиями, в формате которых личность сознательно или подсознательно себя позиционирует. Аспектом нарративного анализа К.р. служит выявление того, насколько взаимосогласованным является использованные культурные сценарии и ассоциированные с ними роли участников. Критический дискурс-анализ изучает К.р. как проявление институциональной субъектности, рассматривает в качестве прототипной основы К.р. концептуальные и идеологические фреймы участников – с фокусировкой на асимметричности коммуникативных прав ролевых субъектов вследствие их социально-статусной неравенства (по признакам пола, этническими, классовыми, профессиональными характеристиками). Статусные компоненты К.р., определяющие ассиметричные права говорящих, исследуются как основная характеристика институционального дискурса, где коммуниканты представлены не столько как личности, сколько как носители определенного социального статуса (В.И. Карасик), что выявляется в их ролевых характеристиках как агентов и клиентов институтов. При изучении К.р.

критических лингвистов интересует, прежде всего, дуализм отношений между структурой и деятелем: свободен ли субъект в конструировании собственной ролевой идентичности или такое конструирование зависит от институциональных структур власти, и субъекты насильственно размещаются в пределах существующего дискурса (например, клиент и врач в терапевтическом дискурсе). Определяющая роль доминантных дискурсов в ролевой идентификации (самоидентификации) субъектов проиллюстрирована парадоксальным примером Н. Фейрклау, который продемонстрировал, как в процессе медицинского опроса пациент может позиционироваться научным медицинским дискурсом не как «лицо», а как «случай» (case). Интеракционная социолингвистика изучает К.р. и их асимметричность в дискурсе как в ракурсе институциональных отношений, так и в связи с различиями коммуникативных и культурных фоновых знаний коммуникантов. Современной генристикой обосновывается связь между К.р. и речевым жанром, который изучается как макропараметр коммуникативной ситуации, влияющий на роли участников. В частности, Ф. Бацевич отмечает: «Адресант, строя определенный РЖ, представляет себя как носителя соответствующего статуса и исполнителя соответствующей речевой роли» [19, с. 134]. В частности, эго-состояния, установленные Э. Берном (родитель, взрослый, ребенок) определяются как основные коммуникативные позиции, на которые ориентированы определенные жанры. Так, социально-ролевые особенности Взрослого проявляются в жанрах анкеты, заявления, объявления, протокола, лекции, научной статьи, доклада, приглашения, дискуссия; Ребенка – в жанрах жалобы, восхваления, молитвы, ссоры, ламентации, восхищения; Отца – в наставлении, предостережении, распоряжении.

Таксономии коммуникативных ролей – дискурсивная характеристика и инструмент исследования в дискурс-анализе, позволяющий установить жанр дискурса, его институциональные или персональные характеристики,

жанровую гибридность, лингвопрагматические и концептуальные особенности.

По типам ролевой коммуникации Е. Ф. Тарасов выделяет такие группы ролей: а) по признаку определенности, фиксированности ролевой структуры – роли нормированные (общение командира и подчиненного ему солдата) и ненормируемые (общение рядовых граждан на улице); б) по признаку соблюдения / несоблюдения социальных (этических) норм – роли, санкционированные обществом (общение продавца и покупателя в магазине), и несанкционированные ("беседа" грабителя с жертвой ограбления); в) по признаку типичности для данного общества: роли стандартные (общение врача с пациентом) и нестандартные (поучения взрослых подростком).

Распространенной Т.к.р. является распределение ролей на статусные, позиционные и ситуационные:

1) Статусная роль характеризует относительно постоянный статус коммуниканта, который он имеет от рождения как принадлежность к определенному полу, вероисповеданию, этносу.

2) Позиционная роль соответствует месту человека в обществе (профессии, социальному статусу).

3) Ситуационная роль вариативна и зависит от конкретной ситуации (покупатель, пассажир, руководитель, подчиненный, пациент, друг, жертва, обидчик и т.д.). Ситуационные роли делятся на специфические и диффузные (личностные). Условия "проигрывания" специфических ролей – внешние обстоятельства, в рамках которых происходит усвоение правил общения: пассажир, зритель, посетитель музея и другие. Диффузные роли определяются ценностными / нравственными ориентирами личности: друг, враг, порядочный человек и другие. В рамках таких ролей формируются ценностные нормы, усваиваются моральные ценности общества.

По мнению некоторых исследователей, статусная роль определяет «модус» позиционной роли (например, роль «учителя» будет различным образом проигрываться мужчинами и женщинами). Ситуационные роли также «усваиваются» и «проигрываются» в соответствующей «статусной реакции» - в зависимости от пола, возраста и других статусных ролей.

Нечеткость традиционной классификации и, соответственно, сложность отграничения ее членов, заключается, на наш взгляд, в том, что любую роль можно считать статусной – согласно существующим дефинициям статуса как устойчивого положения в социальной системе, данного от рождения или приобретенного в результате собственных усилий (роль – динамический аспект социального статуса, направленный на выполнение закрепленных за ним прав и обязанностей). Кроме того, любая личность является носителем нескольких, иногда противоположных или родственных статусов, поскольку выступает членом различных групп, объединений или институтов, в которых занимает определенные позиции. Например, одна и та же личность способна «проигрывать» такой набор ролей, как «преподаватель», «мама», «ученый», «сестра», «кума», «член жилищного кооператива», «душа компании». Все перечисленные роли приобретены индивидом в течение жизни и, согласно определению (см. выше), могут считаться статусными. И, напротив, за одним статусом может быть закреплена совокупность ролей – ролевой набор (например, преподаватель может играть роли друга студентов, наставника, эксперта, демократа, провокатора и др.). Выделение «статусной роли» как отдельного члена ТКР представляется возможным при ограничении понятийного объема этого термина и его толковании как «реализации социального или межличностного доминирования интерактантов». При таком понимании статусная роль выступает переменной характеристикой общения и проявляется индексированными в интеракции отношениями доминирования, равноправия или субординации.

Альтернативной Т.к.р. может служить классификация Г. Сакса, разработанная в ракурсе задач конверсационного анализа. Исследователь выделяет: а) категориальные идентичности (роли) («демократ», «знакомый», «врач», «пациент», «учитель»); б) оперативные идентичности (роли) («заботливая мать», «добрая хозяйка», «материально обеспеченный») в) реляционные или «семейные» идентичности (роли) («мать - дочь», «муж - жена», «друг - друг»). Исследователь не предлагает набора признаков для разграничения предложенных им ролевых типов. Вместе с тем, анализ, содержащийся в работах Г.Сакса, позволяет определить *категориальную роль* как ролевой инвариант, отмеченный стереотипами коммуникативного поведения в соответствии с психологическими, профессиональными, возрастными, гендерными и другими признаками. Такие инварианты конституируются принадлежностью к социокультурной категории (группе), которая достаточно стабильна и имеет додескурсивную основу в виде общих интересов, целей, задач, ценностей, норм поведения, набора поведенческих ролей. В отличие от категориальных, *оперативные* роли многократно меняются в ходе интеракции, задавая содержание речевых ходов интерактантов. Их можно рассматривать как вариативную трансформацию категориального ролевого инварианта либо как «случайные» ролевые позиции, подсказанные ходом интеракции.

Основное в концепции Г. Сакса – не столько разграничение ролевых типов, сколько обоснование того, как ориентированность участников на их использование обуславливает речевые ходы и направление разговора в целом. Изучение ролей в ракурсе этой концепции позволяет ответить на вопросы: а) в какую категорию распределяется личность в интеракции; б) каковы конвенциональные ожидания относительно нормального поведения субъекта, распределенного в ролевую категорию; в) как отсутствие определенных «категориально связанных действий» маркируется и

объясняется в интеракции; г) как категории сочетаются друг с другом (см. также «анализ членства категоризации» Г. Сакса).

В социологических исследованиях роли подразделяются на социальные и межличностные. Социальные роли имеют стандартизированный, безличный характер, основываются на правах и обязанностях, независимо от того, кто является исполнителем роли. Связаны с социальным статусом, профессией, видом деятельности (учитель, ученик, продавец); институциональными (имеющими отношение к институтам - например, брака, семьи: роли матери, дочери, жены), социально-демографическими (муж, жена, дочь, сын, внук) или биологическими (мужчина и женщина) характеристиками. По степени актуализации выделяются латентные (не актуализированы в данный момент) и активные (актуализированные) роли; по уровню идентификации личности с ролью – личностно значимые и личностно нерелевантные, т.е. второстепенные, дистанцированные от роли.

Социопсихологические классификации основываются на психологических характеристиках ролевых субъектов, обуславливающих их поведение в команде (экстраверсия / интроверсия, доминирование, решительность, интеллект). Примером такой таксономии служат типы коммуникантов, предложенные В.Б. Кашкиным: 1) доминантный коммуникант, который стремится завладеть инициативой, не любит, когда его перебивают, резкий, насмешливый, говорит громче, чем другие. Во время общения с ним применяется стратегия «речевого истощения»: паузы, быстрое формулирование своей позиции, вопросов, просьб и т.д., 2) мобильный коммуникант: легко вступает в разговор, меняет темы, общается много, интересно и с удовольствием, не теряется в незнакомой коммуникативной ситуации, 3) ригидный коммуникант, который испытывает сложности в общении при установлении контакта, после чего становится четким и логичным. В диалогах с ним используется стратегия «разогрева» (вводная часть «о погоде», фатичное общения), 4) интровертный коммуникант: не

стремится владеть инициативой, отдает ее, является застенчивым и скромным, скованным в неожиданной ситуации общения. В коммуникации с ним уместно осуществление фатической функции в вербальной и невербальной форме.

Основываясь на психотипологической классификации личностей, в лингвистических работах выделены такие ролевые инварианты, как: «помощник», «диктатор / жесткий руководитель», «профессор-интеллектуал», «победитель любой ценой», «душа коллектива», «независимый мыслитель», «романтик / идеалист», «игрок / новатор», «учитель / наставник», «сангвиник / любитель развлечься», «лидер / стратег», «доверенное лицо / доверенный друг».

Когнитивной базой коммуникативно-личностных параметров, включающих *адресанта* и *адресата*, их *коммуникативные роли*, является **межличностный контекст**: знания коммуникантов друг о друге – о взаимных социопсихологических особенностях, уровне знакомства и социальной дистанции с учетом социальных статусов и обусловленных ими ролей.

Интенционально-стратегические параметры:

Коммуникативные конвенции – инвариантные модели речевого и коммуникативного поведения, ритуализированные стратегии. Дифференцируются на: *универсальные* (этикетные правила коммуникативного поведения; конвенции вежливости сближения и удаления, максимы и импликатуры общения, подчиненные универсальному принципу сотрудничества); *институциональные* (ритуализированные стандарты речевого поведения агентов и клиентов институтов, подчиненные глобальной цели учреждения и обуславливающие встречные ролевые инварианты «учитель - ученик», «следователь - допрашиваемый», «врач - пациент» и

т.п.); этноспецифичные - обусловленные социокультурными ценностями разных культур как составляющая их лингвоментальности.

Коммуникативная стратегия – комплекс вербальных и невербальных средств, направленных на достижение той или иной цели при коммуникативном взаимодействии участников общения. Дискурсивные стратегии определяются исследователями как «систематические способы использования языка» (Wodak 2005). По различным основаниям выделяются К.с: кооперативные (аргументативная, информативная, побудительная) и конфликтные (манипулятивная, доминирования, давления, речевая агрессия, компромиссная); основные (наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей конкретного общения) и вспомогательные (вариативная реализация основных К.с.). Среди последних выделяются О.С. Иссерс выделяет следующие вспомогательные стратегии: 1) прагматические (коммуникативно-ситуативные) стратегии, учитывающие все компоненты коммуникативной ситуации (автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст и др.), например, стратегия самопрезентации (раскрытия образа автора), статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии; 2) диалоговые стратегии, которые направлены на решение задач контроля за организацией диалога, например, стратегия контроля над темой, стратегия контроля над инициативой; 3) риторические стратегии, в рамках которых используются различные риторические техники эффективного воздействия на адресата, например, стратегия привлечения внимания (Иссерс 2003: 106—107). По мнению Тойна ван Дейка, «речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроецированные в область речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное *манипулирование* производимыми *умозаключениями*» (Dijk 1983: 375-404; 2003). Изучение идеологического дискурса позволило выделить основные когнитивные стратегии: 1) *расширения* или *транспозиции*, направленные на построение

новых или оживление старых моделей ситуаций, увязанных с негативными схемами чуждых говорящему групп; перенос отрицательного характера опыта в одной когнитивной области на опыт в другой когнитивной области; 2) (*сверх*)*обобщение* – обобщения частной модели до более общей групповой схемы; 3) *положительной саморепрезентации*; 4) Референциальная/ номинации, направленная на конструирование внутреннего («своих») и внешнего («чужих») круга (in-groups and out-groups); 5) предикации – приписывания позитивных или негативных характеристик с целью создания устойчивых стереотипов; 6) аргументации - обоснования позитивных или негативных характеристик с привлечением *топосов* (см. о концептуальных параметрах дискурса); 7) фреймирования или дискурсивной репрезентации как вовлечения, позиционирования точки зрения говорящего; 8) интенсификации / митигации.

Коммуникативная тактика – совокупность речевых действий, способствующих реализации стратегии (Иссерс 2003). Составляющими К.т. и способом их реализации служат речевые / коммуникативные ход.

речевой ход или коммуникативный ход, или, по ван Дейку, - функциональная единица последовательности действий в рамках глобальной задачи под контролем стратегии [ван Дейк 1989:274]; минимальная единица разговорного значения, которая интерпретирует речевое действие предшествовавшего участника и задает проект последующего речевого действия. Не может рассматриваться как минимальная единица интеракции, поскольку произведен одним участником, а интеракция предполагает ситуацию с *ролевой структурой*, то есть, по меньшей мере, двух субъектов. Идеальный Р.х. обладает триадической структурой: в первой части указывается на отношение к предшествующему ходу; в третьей части устанавливается отношение к последующему ходу; ради промежуточной части совершается Р.Х. Границы Р.Х. устанавливаются на основе таких критериев: а) формального (паузы, синтаксические конструкции,

сигнализирующие возможность очередной смены ролей); б) функционального (совершение, по крайней мере, одного коммуникативного хода); в) содержательного (длительность Р.Х. обусловлена тем, что говорящему должно быть позволено установить релевантность того, о чем он говорит). Совершая Р.Х., говорящие подчиняются правилу «один говорящий в одно время» («one-speaker-at-a-time»). Р. х. может включать отдельные слова или фразы, которые «связаны вместе для выполнения интеракционной работы» (Michael McCarthy, 2000: 59). Размер хода – количество «пошагово» встроенных единиц, зависит от того действия, для которого предназначен ход, то есть связан с *деятельностным* потенциалом таких единиц для участников. Так, «Привет» может быть как формой приветствия, так и выражением удивления – «Привет, что это такое?»; «Ты можешь к нам присоединиться» – как ход-предложение и «Ты можешь» (с ударением на втором слове) – как форма ободрения, призыв попробовать свои силы в чем-либо. Деятельностная природа Р.х. позволяет говорить о его прагматической структуре как объединении последовательности речевых актов, хотя речевой ход может состоять из одного речевого акта. Последовательность связанных Р.х. составляет речевой обмен.

В критической дискурс-анализе Р.х. нередко отождествляется с семантическим ходом (тойн Ван Дейк). В этом случае исследователи, руководствуясь особенностями своего основного материала исследования – идеологических дискурсов, ориентированы на поиск манипулятивно-прагматического потенциала Р.х., в связи с чем Р.х. нередко используется как синоним манипулятивного приема. В таком ракурсе выделяются следующие речевые / семантические ходы: усиления, повтора, контраста, реверсирования (обвинения жертвы), *обобщение* и *приведение примера*. *смягчения, уклонения, уступки, кажущегося опровержения, сдвига, поправки очувствия, незнания, оправдания, переноса и др.*

Ситуационные параметры.

В современных направлениях дискурсивных исследований под С.п. понимаются различные факторы и характеристики дискурса. Интеракционная социолингвистика, теория релевантности и разговорный анализ изучают в качестве С.п. непосредственный визуальный интеракционный контекст, то есть артефакты материального окружения, на которых фиксируется внимание участников во время разговора и которые способны изменить ход интеракции. С другой стороны, в соответствии с постулатом разговорного анализа о строгом эмпирическом подходе к анализу структур естественной речи С.п. рассматриваются этим направлением как контекстуальные переменные, которые используются как релевантные самими участниками для поддержания или перестройки структуры разговора и отождествляются с *локальным* контекстом как совокупностью высказываний, порождающих речевой ход. В теории «лица и вежливости» под С.п. понимается серьезность требований и формальность, определяющих количество «работы лица» и соответствующие стратегии позитивной и негативной вежливости. Для теории кооперативных максим и импликатур Г. Грайса С.п. охватывают те переменные ситуации общения, которые мотивируют отклонения от кооперативных правил. В критическом дискурс-анализе С.п. изучаются как характеристики глобального контекста, выявляющие идеологические условия создания и толкования дискурсов.

КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ – характеристики дискурса, которые выявляют особенности представления события в ситуационной модели автора / говорящего и влияние его дискурса на социокультурные представления (интерпретативные фреймы) адресатов. В широком смысле такие параметры обеспечивают связь между дискурсом и *контекстом*, если исходить из понимания *контекста как лингвокогнитивной категории*, позволяют объяснить, с одной стороны,

способ воздействия социокультурных факторов на структуры текста / дискурса и, с другой, роль дискурса в формировании контекста.

Ситуационная модель – обобщающее представление (опыт, установки, эмоции) коммуникантов о классе ситуаций, сходных с той, что представлена в дискурсе. Прототип содержательно-смысловых параметров дискурса, обеспечивающий информационное наполнение коммуникативной матрицы (*контекстуальной модели*) – в зависимости от опыта взаимодействия коммуникантов с аналогичными ситуациями. Процесс «распознавания» знакомой ситуации направляется кореферентными высказываниями, при повторении которых создается лингвистический механизм, вызывающий концептуальную репрезентацию целостной ситуации с определенным объемом знаний о признаках ключевого концепта текста (*концепта-идеи*). Использование ситуационных моделей объясняет, почему участники выявляют имплицитную информацию текста – в этом случае они привлекают соответствующие фрагменты ситуационной модели.

Контекстуальная модель – представления участников дискурса о форме коммуникации, включающей, с одной стороны, конвенционально-структурные характеристики текста / дискурса, включая тип вербального воплощения, тематическую составляющую и стиль, но и контекстуальные характеристики в виде знаний собеседников об относительно константных (способных воспроизводиться в определенных обстоятельствах) коммуникативных характеристиках класса ситуаций, сходных с представленной в дискурсе: нормах коммуникации и интеракции в определенной сфере общения, о коммуникантах, их стереотипных ролях, взаимоотношениях, целях, стратегиях, установках, идеологиях и др. Прототип коммуникативных параметров дискурса, коррелирует с понятием суперструктуры (Тойн ван Дейк) и жанра как когниотипа дискурса. Тойн ван Дейк определяет К.м. как «управляющую систему» дискурса, отвечающую «за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей»;

модель контекста необходима для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы его участников, а также обратить внимание на такие характеристики участников коммуникации, как статус или социальная роль (Dijk 2008).

Макроструктура – заданное *ситуационной моделью* «абстрактное семантическое описание глобального содержания дискурса» (Дейк 1989: 111–160) или его наиболее значимых в концептуальном отношении фрагментов; топиальная информация, которую можно извлечь посредством резюмирования текста или разговора, если к нему «добавить» импликации и импликатуры. М. вариативны, так как приписываются тексту с учетом собственных целей и представлен на основе ситуационных моделей. М. выводятся, с одной стороны, из содержания текста и, с другой стороны, из фонового знания, организованного фреймами / сценариями (типичным и общедоступным в данной культуре знанием) и *ситуационными моделями* (личностные знания, опыт и др.).

Макропропозиция – реализация макроструктуры (как единицы ментального плана) в семантической организации текста. М. – результат обобщенная последовательности пропозиций на основе макроправил – правил редукции и организации информации посредством сведения больших последовательностей семантических структур «в несколько семантически организованных макропропозиций» с целью «упорядочения огромного количества семантических данных». Основные 1) *deletion* – устранение пропозиций, нерелевантных для интерпретации других пропозиций (правило сокращения несущественной информации); 2) *generalization* – преобразование серий специфических пропозиций в пропозиции более обобщенного плана (обобщение двух или более однотипных пропозиций); *construction* – выведение пропозиций из числа пропозиций в тексте (т.е. комбинации нескольких пропозиций в одну); 3) *activation* – активации общих знаний и мире (Tomlin 1997:63-111).

Пропозиция – семантическая константа высказывания, «отождествляется с мысленным коррелятом любого истинного или неистинного высказывания», составляет ядро содержания сообщения. Служит «базисной единицей когнитивного моделирования» (Селиванова 2006: 501-502).

Концепт-идея – концепт, организующий концептуальное пространство текста. Формирует внутреннюю форму макрознаковости текста, обеспечивая его распознавание в семиосфере других текстов.

Концептуальное пространство – интегрированная концептом-идеей совокупность концептов текста и структурирующих концепты пропозиций. В К.п. нетривиального в смысловом отношении текста заложена как возможность альтернативной интерпретации, так и механизм ее преодоления посредством **концептуальных мотиваторов** различной иерархии и **концептуального кода**, который устанавливает связь между оппозиционными мотиваторами и, тем самым, разрешает определенную (мировоззренческую, идеологическую, психологическую и др.) проблему. Альтернативная интерпретация как условие реализации субъективной энтропии, «занимательности» текста обеспечивается ценностной оппозицией между пропозицией, представляющей концепт-идею текста, и дихотомическим коррелятом этой пропозиции (даже если автор сознательно не закладывает возможность его восстановления в тексте) – условием для «постановки» некоторой проблемы (мировоззренческую, идеологическую, психологическую и др.). Оба члена оппозиции могут служить параметрами как одного и того же концепта, так и более общей структуры знаний – *концептуального мотиватора*. Нередко новый параметр концепта (ради которого, собственно, и создается текст) является отрицанием определенной традиционной, типичной (для культуры, идеологии, науки - в зависимости от типа текста) характеристики концепта. В художественном тексте такой концептуальный параметр является маркированным (в смысле обеспечения

макрознаковой ценности текста в семиосфере) на фоне немаркированного члена оппозиции, более традиционного для художественной или обыденного сознания. Например, маркированным концептуальным параметром, организующим К.п. романа Жана-Поля Сартра «За закрытыми дверями», служит пропозиция, предписывающая концепту «ад» характеристику «необходимость общения с другими» («ад - это другие»). Макропропозицией, конкретизирующей концепт и обобщающей семантику всего текста романа, служит «Ад – отсутствие свободы, зависимость от других, когда другие решают, кто ты есть, и ты лишен возможности оправдаться». Немаркированным членом оппозиции становится содержание одноименного концепта в христианской картине мира: «ад – это я сам, мое рабство греху, зависимость от греха». В свою очередь, такая концептуальная интерпретация производна от ценностной дихотомии более общего уровня: понимания концепта свобода (*концептуального мотиватора*) в христианской (свобода – освобождение посредством самоосуждения, покаяния и добрых дел) картине мира и Ж.П. Сартром (свобода – освобождение посредством самооправдания, отмена прошлого (греха) новой интерпретацией своих поступков). Разрешение противоречия в К.п. текста возможно посредством **концептуального кода**: пока ты жив, всегда можно выйти из комнаты и изменить свое прошлое не разговорами с другими, а поступками.

К.п. политического текста организовано оппозиционными концептами «Мы» - «Они», размещаемыми в ценностной дихотомии «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», «законность» и «беспредел», «порядок» и «анархия», «польза» и «бесполезность». Другими словами, любые «Наши» действия постулируются как параметры концептов «добро», «справедливость» и их аксиологических синонимов, «Их» действия – соответственно, концептов «зло», «несправедливость». Если маркированным членом оппозиции будут топос опасности и угрозы «Их» действий (внешней группы), то немаркированным (фоновым) членом будет топос пользы или

преимущества «Наших» (внутренней для адресанта группы) и, наоборот, маркированность «Наших» позитивных (гуманных, эффективных законных, полезных) действий предполагает немаркированный член оппозиции – негуманность, незаконность, бесполезность действий политических оппонентов в этической оппозиции «хорошо-плохо».

Концептуальный мотиватор – прототипы, архетипы, стереотипы, идеологемы, лингвокультурные концепты, определяющие общечеловеческие ценностные ориентиры, или другие обобщающие структуры знаний, которые обобщают социокультурные ценности, потребности, качества и позволяют обосновать авторскую и альтернативную авторской модели событий исходя из более широких форматов «понятности» – прототипов и стереотипов коллективного сознания (в институциональных дискурсах), архетипов, коллективного бессознательного, лингвокультурных концептов (в нарративах, спонтанной диалогической речи, художественных текстах).

Концептуальный код – концептуально-смысловая связь между оппозиционными мотиваторами, которая нейтрализует концептуальную оппозицию, выявляет и разрешает определенную (мировоззренческую, идеологическую, психологическую и др.) проблему, предлагает оптимальный сценарий развития событий. Чаще всего, такой код организован структурами, напоминающими мифемы К.Б. Леви-Строса. мифемы – минимальные смысловые единицы для обнаружения (и, как правило, преодоления) противоположностей: «чтобы победить зло, добро само должно стать злом (убить злодея, чудовище). В современном международно-правовом дискурсе К.к. нейтрализует оппозицию концептов «равенство» (право и обязанностей государств) и «неравенство» (в неодинаковых возможностях реализации прав в силу уровней экономического развития, ограниченности природных и технологических ресурсов), которые, в свою очередь, обосновываются протоконцептами «юридическая справедливость» и «фактическая справедливость», нейтрализуется концептуальным кодом: «Нарушение

принципа равноправия путем предоставления дополнительных прав и преимуществ ряду государств. Такой код определяет вектор развития международно-правовых ценностей, который направлен на «выравнивание условий для достижения равенства результата» и реализуется в нормах, предусматривающих «освобождение от необходимости устранения тарифных барьеров в торговле», «права и льготы в силу особого географического положения государств

Сокращение этацентризма!!!

Составляющие дискурса – основные компоненты дискурсивного семиозиса, модули, обеспечивающие динамизацию текстовых смыслов и превращение текста-формы в текст-содержание. Включают **текст, коммуникантов**, совместными усилиями конструирующих образ текста на основе его вербального кода, **интеракцию**, как взаимной ориентированность участников дискурса на реализацию программы интерактивности и интерпретации, определение межличностных отношений и, соответственно, основное условие осуществления процесса означивания текста; **контекст**, опосредующий связь между текстом и порождающей / рецептивной деятельностью коммуникантов.

Интеракция – взаимодействие участников коммуникативного акта, включающее согласование речевых действий говорящего (отправителя информации, автора) и реакции реципиента (получателя информации) в отношении формирования «общего» значения на основе обмена знаниями, чувствами и опосредованного воздействия на концептуальные системы друг друга; системообразующий фактор коммуникации. В современном дискурсе-анализе дифференцируются *глобальная и локальная И*. **Глобальная И** – макросоциальные условия, культурно-информационные процессы, властные взаимоотношения, воздействующие на протекание дискурса; уровень реализации макростратегий. По мнению Л.М. Макарова, интеракция всегда

демонстрирует ситуативно обусловленную, накладывающую ряд своих ограничений структурированность, основанную на символах, обычаях, ритуалах, стереотипах и общепринятых смыслах [Макаров, с. 55]). Локальная И. понимается в узком и широком смыслах. В узком – как непосредственный текстуальный контекст диалогической речи, который конструируется самими участниками и не задан спецификой целостного речевого события / ситуации (конверсационный анализ, этнометодология). В широком смысле локальная И. понимается как ситуативный феномен и ее компоненты изучаются в зависимости от типа ситуации или события (все направления, рассматривающие речевое событие как единицу «измерения» интеракции: этнография речи, интеракционная социолингвистика, критический дискурс-анализ и др.). Современный дискурс-анализ исходит из того, что механизмом осуществления интеракции является контекстуализация – интерпретативные практики, посредством которых дискурс связан с контекстом и приобретает осмысленность через контекст. Единицы интеракции – единицы совместной речевой и социальной деятельности коммуникантов, включающей действие и реакцию на него другого участника: ***интерактивный блок, коммуникативный акт, макродиалог, обмен, речевое событие, секвенция, структура участия/ партисипации, трансакция*** (см. также единицы дискурса и дискурс-анализа).

Коммуникант – участник коммуникативного акта: отправитель или получатель, порождающий и интерпретирующий сообщение. Может быть персональным, интраперсональным (аутокоммуникантом – разговор с самим собой); обобщенным (институционализированный субъект коммуникации) и массовым.

Перспективной для современного дискурс-анализа является проблема классификации и типологии коммуникантов. Существующие типологии основаны на различных подходах:

1) социально-ролевом (социальные, статусные и позиционные роли);

2) социопсихологическом: типология личностей К, предложенная О. Клаппом, выделяет типы героев, злодеев, клоунов, жертв и т.д.; трансакционная модель Е. Берна определяет три основных типа состояний личности: Родитель, Взрослый, Ребенок. Современные социопсихологические классификации фокусируются на психологических характеристиках коммуникантов, обуславливающих их поведение в коммуникативной группе. Выделяются доминантные, мобильные, ригидные, интровертные типы коммуникантов (В.Б. Кашкин); харизматичные (Петлюченко 2008) и авторитарные коммуникативные личности (Пушкин 1992);

3) интерактивном, в соответствии с которым изучается значение «приобретения роли» для развития локальных интеракций. Примером может служить типология Г.Сакса, выделяющего категориальные, позиционные и реляционные / родственные роли (идентичности) в зависимости от их релевантности для инфраструктуры диалога. Упрощенная модель интеракции, основанная на категориально-ролевом «распределении» субъектов, будет выглядеть так: роль (ее идентификация участниками / самоидентификация) - речевой ход в поддержку роли - речевой ход в противодействие роли - изменившаяся роль – новый речевой ход – и т.д.);

4) психотипологическом, ориентированном на поиск соответствий между психологическим типом К. и ролями, которые регулярно проигрываются ими в дискурсе. В частности, в литературе анализируется специфика речевого и ролевого поведения экстравертов и интравертов (М.В. Ляпон), акцентированных личностей (Я.А. Бондаренко). В одной из последних работ предпринята попытка выделить группы «этических», «логических», «интуитивных», «рациональных», «иррациональных» ролей К., а также ролей, которые отмечены совмещением двух или более психологических характеристик. Так, рациональными по своей психологической основе являются роли «учитель», «советчик», «наставник», «критик», «практик» и др.; логико-иррациональными – роли «профессор-интеллектуал»,

«интеллигент», «чудак», «прекрасный собеседник», «идеалист», «ребенок» (С.Г. Короткая);

5) прагматическом, учитывающим речевые стратегии конфликтного поведения коммуникантов, которые, в свою очередь, производны от типов языковых личностей. Так, И.Н. Горелов и К.Ф. Седов выделяют инвективный (проявляющий прямую вербальную агрессию), рационально-эвристический (уравновешивающий эмоцию обиды стремлением к этикетности) и куртуазный (здравый рассудок и ирония) типы К.

6) нарративном: изучает типологию и роли К. в ракурсе взаимосвязи локальных рассказов «про себя» с «базисными» нарративами – универсальными культурными сценариями, интертекстуальными сюжетными линиями, в формате которых личность сознательно или подсознательно себя позиционирует. Роли К. чаще всего ассоциируются с такими распространенными культурными сценариями, как макроуровневый нарратив чудесной трансформации (Золушки, Гадкого утенка и др.); истории романтической любви; культурная модель «Рокки», маскулинной силы (чаще всего используется в рассказах «успешных» мужчин);

7) социологическом, выделяющим социальные (статусно-профессиональные, институциональные, социально-демографические, биологические) и межличностные / эмоционально обусловленные (лидер, обиженный, кумир семьи, влюбленный); латентные и актуализированные; лично значимые и второстепенные роли К.;

8) социально-функциональном, определяющим роли К. по критерию стандартных функций, выполняемых в социальной или коммуникативной группе. Так, типичными ролями роли коммуниканта-мужчины будут семейные (сын, брат, муж, отец, кузин, дядя), социально-дружеские (член мужской команды, друг, капитан футбольной команды, знакомый), производственные (коллега, служащий, торговый представитель, член

производственной команды). Другим примером могут служить институционально заданные роли: Plant (PL) (креативный, продуцент идей); Resource Investigator (RI) (экстраверт, хорошо устанавливает внешние контакты, развивает идеи); Monitor Evaluator (ME) (проницательный, предусмотрительный, аналитик); Shaper (SH) (динамичный, стимулирует других) и др. Belbin R.M. Management Teams (Belbin 2010).

Специфика дискурсивного поведения К. определяется его коммуникативной личностью, структурированной мотивационным (деятельностно-коммуникативные потребности личности в общении и воздействии), когнитивным (знание коммуникативных кодов и конвенций, способность к интроспекции, рефлексии и оценке когнитивных характеристик собеседника) и функциональным (практическое владение коммуникативными кодами, способность конструировать тексты / дискурсы) параметрами.

См. также Адресант и Адресат.

Контекст – компонент дискурса, когнитивный конструкт, который служит основой «распредмечивания» текстового смысла. В современном дискурсе-анализе К. понимается в двух основных значениях. В первом – как глобальные условия осуществления дискурса (глобальный К.), опосредующие связь между текстом и порождающе-рецептивной деятельностью коммуникантов. Основной исследовательский ориентир – определение взаимосвязи и обусловленности семиотических структур дискурса социальным, когнитивным, политическим, историческим и культурным контекстами (Й. Брокмейер, М. Визерел, Дж. Гумперц, Б. Дэллинджер, Г. Кресс, Р. Фаулер, Н. Фейрклау, Дж. Фьорс, Р. Харре). Второе отождествляет К. с когнитивной категорией, определяет его как «субъективный» конструкт участников дискурса, ментально представленную структуру тех характеристик социальной ситуации, которые релевантны для производства и понимания дискурса. Вместо внешнего контекста исследуются его когнитивные проекции в виде знаний / представлений

коммуникантов о физических, социокультурных, психологических, коммуникативно-конвенциональных, этномаркированных и других характеристиках ситуации общения. (Ср. с наблюдением М.Л. Макарова о том, что факторы внешнего контекста «только став частью внутреннего мира человека», ментальной сферы «общающихся индивидов», «могут влиять на его деятельность и общение»).

Параметры глобального К. могут быть представлены как отдельные типы К., на которых фокусируются исследовательский интерес различных направлений дискурс-анализа. В наибольшей мере изучены: глобальный К.; текстуальный К.; надтекстуальный / интертекстуальный К.; интердискурсивный К.; межличностный К.; ситуационный К. (непосредственного окружения); коммуникативный К.; этнокультурный К.; К. локальных интеракций; когнитивный К.

Интертекстуальный К. исследуется в ракурсе сопоставления текстов с аналогичными топиками, макротопиками, культурными сценариями, концептуальными метафорами, прецедентными феноменами, аргументами / топосами и др. В критическом дискурс-анализе изучаются совокупности текстов, связанных со смысловой интерпретацией концептуальных метафор «демократия», «народ», «справедливость», «порядок» и др. Теория позиционирования изучает интертекстуальный К. как универсальные культурные сценарии, «базисные нарративы», «культурные ожидания о типичном ходе событий», универсальные сюжетные линии, проявляющие интертекстуальную природу речевых ходов, социально-сконструированную природу участников разговора. В частности, ролевые позиции собеседников могут опираться на базисный нарратив чудесной трансформации (Золушки, Гадкого утенка), культурную модель Рокки, Тарзана и т.д. Нарративный дискурс-анализ исследует интертекстуальный К. как всеобъемлющую связь дискурса с неопределенным множеством текстов. Нарратив определяется как динамическое вербальное интертекстуальное пространство, в котором спонтанно (с определенной долей учета макроинтенций коммуникантов)

интегрируется множество текстов. Основанием для объединения служит не столько тематическая, сколько смысловая общность «рассеянных» в социуме текстов.

Интердискурсивный К. отождествляется с инкорпорацией и трансформацией в дискурсе элементов других жанров, регистров и стилей (Н. Ферклау), что связано с проблемой жанровой гибридности и реконтекстуализации. Последняя осуществляется посредством жанровой цепочки, которая работает как регулятивное устройство для отбора одних дискурсов и исключения других (медиа-жанры трансформируют жанры политического и официального правительственного дискурсов и, в свою очередь, реконтекстуализируются в других дискурсах – например, обсуждение новостей в повседневных диалогах).

Текстуальный К. – К. всего текста или его отдельных фрагментов, поддерживающих или опровергающих исходную смысловую интерпретацию.

Межличностный К. отождествляется со знаниями коммуникантов друг о друге (социопсихологические характеристики, уровень знакомства, власть, социальная дистанция). На изучение таких контекстов ориентирована, в частности, теория кооперативных максим и имплицатур Г. Грайса (общие фоновые знания интерактантов друг о друге и о ситуации общения мотивируют отклонение от кооперативных правил и, как следствие, образование имплицатур), концепция лица и вежливости (такие контекстуальные переменные, как власть и социальная дистанция, определяют количество «работы лица» и соответствующие стратегии позитивной и негативной вежливости), теория речевых актов (межличностный К. в виде учета социальных статусов и ролей коммуникантов – как одно из условий успешности речевых актов), интеракционная социолингвистика (разделяемые фоновые знания собеседников как членов одной социальной группы, микрогруппы, субкультуры позволяют им распознавать сигналы реконтекстуализации).

Коммуникативный К. включает знание собеседников о социокультурных нормах коммуникации и интеракции: универсальных правилах общения (максимах кооперации), условиях успешности речевых актов, жанровых прототипах, стратегиях и максимах вежливости, о коммуникативных, социальных и институциональных ролях участников в определенных социальных ситуациях, об их целях, мнениях, установках, идеологиях и др. Согласно критическому дискурс-анализу, такая информация является частью контекста как ментальной структуры тех характеристик социальной ситуации, которые релевантны для производства и понимания дискурса. Работы по разговорному анализу, несмотря на декларирование его представителями принципа эмпиризма и запрета на категоризацию (определение релевантных контекстуальных составляющих), также являются вкладом в развитие теории коммуникативного К. – как некоторого «базисного» нормативного порядка, структуры социокоммуникативных практик и ожиданий, на основе которых участники конструируют собственное поведение и интерпретируют поведение другого. Именно этот порядок выявляется в структурах / регулярностях разговора и определяет универсальные стратегии интерактантов и правила смены коммуникативных ролей.

Коммуникативный К. может быть детерминирован этнокультурным К. в виде знаний о культурных и социально обусловленных различиях коммуникативного этикета и конвенций межличностной коммуникации, отмеченных этнокультурной и субкультурной спецификой. Например, социальный код японцев в отношении вежливости, который называется “wakimae” (проницательность), требует применения стратегии «неприятия» (“non-acceptance”) как конвенциональную реакцию на комплимент себе или своим близким, так как комплимент, предназначенный для «членов внутренней группы» (семьи, мужа, жены) интерпретируется как «самовосхваление», возвышающее того, кому он предназначен, над другими,

и согласие с комплиментом было бы нарушением стратегии вежливости, требующей быть «чрезвычайно скромным».

Ситуационный К. – непосредственный визуальный интеракциональный контекст (конверсационный анализ, интеракционная социолингвистика, теория релевантности), который воздействует на протекание дискурса. В параметры ситуационного контекста включаются такие ситуативные переменные, как место и время (теория речевых актов), артефакты материального окружения, на которых фокусируется внимание участников в процессе разговора и которые способны изменить ход интеракции (конверсационный анализ), серьезность требований и формальность (теория лица и вежливости).

К. локальных интеракций – основная исследовательская позиция этнометодологии и конверсационного анализа. Под таким К. понимается совокупность высказываний, которые порождают речевой ход и иницируются им. Это динамический, разворачивающийся во времени процесс, который осуществляется посредством текущей перестройки структур разговора (контекст как проект и продукт последовательных интеракций). Вклад, вносимый участниками в интеракцию, контекстуально ориентирован, то есть интеракция предполагает обязательный процесс индексирования высказывания к контексту. Каждая реплика сформирована контекстом и обновляет его. Т.о. интеракция рассматривается как продукт локального К. разговора. В свою очередь, К. служит продуктом интеракции – следствием взаимной интерпретации собеседниками речевого (социального) поведения друг друга и конструирования «общего» смысла происходящего. К. рассматривается конверсационным анализом одновременно и как проект интеракции, поскольку порядок организации реплик в разговоре предсказуем общим (разделяемым) собеседниками знанием о правилах и способах формулирования вопросов и ответов, о нормах кооперации в диалоге.

Когнитивная теория контекста. К. как лингвокогнитивная категория – это совокупность синхронизированных знаний коммуникантов о всех факторах и

аспектах дискурсивного семиозиса, которые активируются на основе знаковой формы текста и, одновременно, динамизируют и генерируют текстовые смыслы, вычлняют текст из семиозиса, соотнося его с миром (с контекстуальными моделями мира). Взаимодействие и пересечение контекстов адресанта и адресата является условием осуществления дискурса, понимания и интерпретации текста. Контекст возникает в результате интеракции на основе текста рецептивного и порождающего сознания и представлен в виде совокупности контекстуальных фреймов: фреймов взаимодействия (интерактивных фреймов) – когнитивного уровня организации коммуникативного опыта участников дискурса, а также фреймов интерпретации (фреймов референции, ситуационных моделей), обобщающих опыт переживания коммуникантами социокультурных, политико-идеологических, жизненных сценариев, аналогичных референтных ситуаций, в рамках которых интерпретируются содержательные части сообщения.

Исследование К. в когнитивном ракурсе позволяет объяснить, с одной стороны, способ воздействия социокультурной реальности на структуры текста / дискурса и, с другой – конструирующую роль дискурса в формировании социокультурного контекста. Такой подход представляется нам оправданным в качестве методологического принципа современного дискурс-анализа, поскольку позволяет обосновать *конституирующую* роль контекста (внетекстового явления) в производстве / восприятии/ понимании текста и дискурса, то есть функцию различных видов контекста как собственно дискурсивных характеристик. Когнитивная «составляющая» контекста в дискурсивной интеракции становится опосредующим звеном между «социумом» и текстом.

Когнитивная природа К. обосновывается представителями различных школ дискурсивного анализа. Так, критический дискурс-анализ (когнитивная теория дискурса Тойна ван Дейка, социолингвистический дискурс-анализ Рут Водак) определяет К. как ментально представленную структуру тех

характеристик социальной ситуации, которые релевантны для производства и понимания дискурса. К. истолковывается как модель интерпретации (контекстуальная модель), которая обосновывает и задает способ изложения и интерпретации событий. Наличием в коммуникативном сознании интерактантов контекстуальных моделей коммуникативных ситуаций объясняется возможность осуществления контроля, основанного на К. (контекстуального или глобального контроля) (ср.: люди представляют и понимают не только текст и разговор, но и целостную коммуникативную ситуацию, что позволяет доминирующим группам предлагать «предпочтительные контекстуальные модели» (тойн ван Дейк).

Понимание К. как когнитивного ресурса в построении и интерпретации сообщений характерно для теории конверсационных имплицатур Г. Грайса, в соответствии с которой возможность восстановления имплицитных смыслов определяется тем, что говорящие разделяют часть невысказанных *контекстуальных знаний*. Редукция количества и качества информации, отклонения от темы и завуалированная манера выражения – то есть отклонения от любого из четырех кооперативных постулатов являются сигналом контекстуализации, так как восстанавливаются в контекстуальных пространствах, в которых нарушение становится осмысленным.

Существование К. как «общей когнитивной базы» интерактантов – основной исследовательский постулат теории релевантности, разработанной с целью дополнения и развития концепции конверсационных имплицатур Х. Грайса. Так, авторы теории утверждают, что все кооперативные максимы можно свести к максиме релевантности, так как условием осмысленности / релевантности любых высказываний является доступный контекст, который продуцирует «максимальное количество новой информации с минимальным количеством усилий по обработке». Интеракционная социолингвистика (Дж. Гумперц) рассматривает контекст как набор фреймов / схемат и организующих их пресуппозиций, соответствующих структуре пережитого ранее события / событий. Дискурс-анализ в рамках этого направления

ориентирован на выявление различных сигналов контекстуализации – вербальных и невербальных средств, которые привлекают когнитивные контексты, значимые для ситуативных интерпретаций, и воздействуют на понимание частей сообщений». В соответствии с теорией Г. Сакса «анализ категории членства», важнейшей когнитивно-психологической составляющей коммуникативного контекста является фреймовая организация ролевых категорий как ассоциативно связанных действий и предикатов, прогнозирующих коммуникативное поведение участников интеракции.

Контекстуальная модель / модель контекста. Термин введен Т. Ванн Дейком. К.М. определяется как «управляющая система» дискурса, отвечающая «за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей». Необходима для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы его участников, а также обратить внимание на такие характеристики участников коммуникации, как статус или социальная роль (Dijk 2008). Исходя из предложенного Т. Ван Дейком определения К.М., представляется возможным выделить такие составляющие этой когнитивной структуры: жанровую модель (модель типа дискурсов, дискурсивный образец), текстемную модель (модель типа/класса текстов; языковое соответствие жанровой модели), интерактивную модель (модель составляющих интеракции, стереотипно связанных с определенной коммуникативной ситуацией: цели, стратегии коммуникантов, их социально-ролевой статус и др.).

Текст – макрознаковый компонент дискурса, включенный в целостную коммуникативную ситуацию. Разграничение текста и дискурса: текста как знак и дискурса как ракурс соотнесения знака с миром; его вычленения из семиозиса; текст как носитель общесистемных языковых характеристик и дискурс как структура, динамизирующая эти характеристики и делающая системы «генератором смыслов», т.е. текст как результат и дискурс как процесс; текст как средство накопления информации и ее носитель и дискурс как ретроспективно-перспективный способ передачи этой информации

посредством включения текста в пространственно-временные и личностно-надличностные координаты.

В соответствии с дискурсивно-ориентированным направлением лингвистики текста (зарождается в 70-е годы 20 столетия), текст понимается как естественная речевая целостность, взятая в коммуникативном аспекте (А.Г. Баранов, М.Н. Кунина), как динамическая система, которая наполняется смыслом вследствие объединения текста-формы со всеми концептуальными, контекстуальными, интерактивными факторами, превращающими его в текст-содержание. и конституирует образ текста как знака в порождающем / воспринимающем сознании.

ТИПЫ ДИСКУРСА – разновидности дискурса по различным основаниям их разграничения и классификации. В частности, по критерию и уровню наличия / отсутствия контакта между адресантом и получателем во время передачи информации: устный, письменный, электронный, sms-дискурс, мысленный (интраперсональная коммуникация); по уровню манифестации личностного или институционального параметра – *институциональный* и *персональный* Д.; по сфере функционирования и форматированности социальными институтами: политический, дипломатический, административный, юридический, международно-правовой, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный.

Институциональный дискурс. Институциональный дискурс – обобщенное понятие для обозначения различных видов статусно-ориентированных дискурсов, которые функционируют в соответствии с определенными социально-институциональными требованиями и, в свою очередь, формируют эти требования, создаются и существуют в институционально-заданных рамках, определяющих, описывающих, ограничивающих то, что является принятым или непринятым относительно определенной сферы общественного бытия, накладывают строгие формально-содержательные ограничения на тексты. Субъекты в таких дискурсах – прежде всего,

носители социальных ролей. Основные характеристики И.д.: 1) обслуживание определенной сферы институционального общения; 2) жесткая структурированность как следствие социальных и идеологических ограничений на тексты, созданные в рамках И.д.; 3) фиксированная смена коммуникативных ролей; 4) глобальный характер целей; 5) ориентация на структуру, а не на процесс; 6) динамичность как наличие интертекстуальных и интердискурсивных связей с другими дискурсами в синхронии и диахронии; 7) ритуализированный характер; 8) использование системы профессионально-ориентированных знаков, подъязыка (специальной лексики, фразеологии), клишированных (трафаретных) способов общения.

И.д. разграничиваются по конститутивным, институциональным и концептуальным признакам. Конститутивные включают характеристики участников в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, специфику условий, организации, способов и материала общения, сферы общения и коммуникативной среды, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанры общения, тексты и / или невербальные знаки. Институциональные признаки предполагают специфику хронотопа, символических действий, трафаретных жанров и речевые клише. Ролевые характеристики агентов и клиентов институтов (конститутивный признак) также являются институциональным параметром. Концептуальные признаки обобщены в ключевом концепте связанного с И.д. общественного института (например, для политического дискурса - это "власть", для педагогического - "учение", для юридического - "закон", для международно-правового – концептуальная дихотомия «общее благо» и «суверенитет» и т.д.).

Определяющими для дифференциации И.д. являются: 1) цель общения (в педагогическом дискурсе - это социализация нового члена общества, в политическом дискурсе - сохранение и перераспределение власти, международно-правовом – достижение консенсуса при учете национальных интересов государств-членов договора); 2) прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма, больница, международная организация); 3)

статусно-ролевое распределение его участников, которые подразделяются на агентов (представителей институтов) и клиентов (людей, обращающихся к ним). К первым относятся те, кто играют главную роль в институциональном общении, ко вторым – те, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителю учреждения.

Помимо дифференцирующих целей, все И.д. имеют интегративную цель, производную от социально-структурирующей функции институционального общения – закрепить отношения власти (институционально обусловленную власть врача над пациентом, учителя над учеником, офицера над рядовым и т. п.). Соответственно, распределение ролей в любом И.д. носит асимметричный характер, поскольку способ концептуализации фактов, событий, общественных реалий навязывается доминирующими субъектами институционального общения. В частности, профессиональные и социально-статусные группы (политики, юристы, врачи, судьи, преподаватели, работники социальных служб и т.д.) имеют исключительный доступ к сферам «концептуализации» - праву, медицине, научным догматам. В отличие от своего клиента, представитель института наделен определенной властью, что выявляется в его праве инициации общения, взятии речевых ходов, управлении интеракцией, завершении разговора.

Для каждого типа И.д. характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами (в научном и деловом дискурсах личностный компонент выражен значительно меньше, чем в педагогическом).

Другие характеристики И.д.: специфический подъязык (определенные институционально-обусловленные языковые ограничения), лингвокоммуникативная структурированность, организованность, упорядоченность, обособленность, устойчивость, специфичность, что позволяет распознать его как членам «внутренней», так и «внешних» групп; ритуализованность (даже клишированность), организационный символизм. Усвоение знаний и традиционных элементов культуры нередко происходит в

И.д. через мифы, ритуалы, логотипы и т. п., благодаря чему он выступает носителем ритуализированных социально-культурных ценностей. По мнению Рут Водак, этот символизм имеет целью замаскировать конфликты, нарушение дискурса, противоречия между участниками институционального общения.

Основные ракурсы исследования И.д.: определение институциональных составляющих и, прежде всего, институционального контекста как совокупности институциональных правил и норм коммуникативного поведения; описание субъектов интеракции как стандартной реляционной пары "представитель института - клиент института"; обоснование типов властных отношений и их влияния на асимметричность прав интерактантов, их неравноправный коммуникативный статус (В. И. Карасик, Г. Кресс, Н. Фейрклау, А. И. Шейгал). При анализе И.д. неравные коммуникативные права участников общения рассматриваются в ракурсе классовых, этнических, профессионально-статусных, гендерных характеристик.

Направления дискурс-анализа И.д.:

- а) от института к дискурсу как системы, смоделированной институциональными требованиями;
- б) от дискурса к социальным институтам, которые моделируются дискурсами.

Наиболее детально И.д. изучается критическим дискурс-анализом (Р. Водак, Т. ван Дейк, Н. Фейрклау, Г. Кресс) в связи с проблемами идеологии и властных отношений, концептуальных идеологических фреймов, обуславливающих основные дискурсы в обществе, модели мировосприятия и оценки, которые программируются и воспроизводятся И.д.

Персональный / Личностно-ориентированный дискурс – обобщенное понятие для обозначения различных видов дискурсов, в которых на первый план выходит личность говорящего, а не его принадлежность к определенной социальной группе. П.д. объективирует проявления самобытного, личностного сознания, специфика которого заключается, в частности, «в

пристрастности», «в избирательности внимания, в эмоциональной окрашенности представлений, в зависимости познавательных процессов от потребностей и влечений» [Леонтьев,1975]. Ключевым концептом П.д. выступает концепт «я» (внутренний мир личности), реализующийся, в частности, в разговорной и поэтической речи [Красных, 2003; Карасик, 2004]. ПД подразделяется на бытийный и бытовой.

Первый представлен в виде преимущественно монолога и реализуется на основе текстов философской, художественной и психологической литературы (Горелов, 1995; Карасик, 2000). В процессе интерпретации такого дискурса «реконструируется» мысленный мир, в котором автор конструировал дискурс, с реальным или желаемым положением дел. Второй ориентирован на диалогичное общение на сокращенной дистанции с повышенной семантической нагрузкой на невербальную коммуникацию. В современной зарубежном дискурс-анализе П.д. изучается преимущественно во второй его разновидности – как интеракционное событие на основе спонтанной диалогической речи (*конверсационный анализ, этнометодология, «анализ членства категоризации», этнография речи, интеракционная социолингвистика*).

Общий фокус исследований бытового (разговорного) П.д.:

- 1) обоснование коммуникативных практик как отдельного уровня дискурсивной организации, имеющего внутренний порядок, четкие правила организации под воздействием социальных и культурных факторов; исследование систематических характеристик разговора (взятие хода, мена коммуникативных ролей, секвенции и адъяцентные пары и др.);
- 2) интерес к моделям (patterns) дискурса, которые обнаруживаются в интеракции и обосновываются как основные акты образования значений (primary acts of meaning-making);
- 3) опора на знания, которые выходят за пределы грамматики и лексикона;
- 4) приоритет – исследованию речевых событий / ситуаций. Информация об убеждениях и ценностях выводится на основе анализа речевых событий;

- 5) связь понятий «речевое событие» и «интеракция»; речевое событие – одна из единиц измерения интеракции;
- 6) тщательное внимание к контексту разговорной речи (который, однако, понимается представителями направлений различным образом);
- 7) обоснование мены коммуникативных ролей как конститутивной характеристики дискурса, изучение ситуативного использования ролевых категорий в интеракциях; порядка распределения разговора между участниками, способов их «приспособления» друг к другу для целей интеракции;
- 8) обоснование сигналов контекстуализации (вербальных, паралингвистических / просодических, кинетических, проксемических), как «контекстуальной основы ситуативных интерпретаций, которые воздействуют на понимание частей сообщений».

Типы разговорного дискурса определяются как коммуникативно-прагматические образцы речевого поведения, которые протекают в определённой социальной сфере и характеризуются набором взаимообусловленных переменных, входящих в социально-дейктический компонент сценария взаимодействия (С.А. Сухих, В.В. Зеленская). Среди переменных выделяются: социальные отношения и роли коммуникантов, степень их знакомства, уровень формальности, ситуативный контекст, социальные нормы и конвенции, состав участников, коммуникативные схемы, допустимость тем общения и типов речевых действий (Henne, H., Rehbock, С.А. Аристов, И.П. Сусов, С.А. Сухих). Переменные воздействуют на типы разговорного дискурса и особенности мены в них коммуникативных ролей. С.А. Сухих распределяет типы разговорного дискурса на две группы (формальную и неформальную) и четыре подгруппы. Формальный тип отличается жёсткой необходимостью соблюдения норм, обусловленной принципом кооперативности при решении совместных задач; асимметричными социальными отношениями, т.е. наличием статусной

иерархии, высоким уровнем формальности. Неформальный – личностным характером общения, связанным иногда с отрицанием действующих в обществе норм; непринуждённым, неофициальным общением; высокой степенью знакомства; симметричными социальными отношениями и т.д.).

Литература: С.А. Аристов, И.П. Сусов, С.А. Сухих, С.А., Зеленская, *Прагматингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998а.*

ШКОЛЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА:

Нарративный анализ дискурса – направление дискурсивных исследований, которое фокусируется на изучении: а) *инвариантности* элементов внутренней структуры повествований (Brockmeier and Carbaugh 2001) с целью установить смыслообразующие принципы нарратива, «универсальные повествовательные законы» (Барт 2001: 16); б) *вариативности*, интерпретативности, ситуативности повествований от первого лица, предлагающих «различные версии и оценки участников и событий в соответствии с риторическими потребностями непосредственного контекста». Основные нарратологические теории: теории русских формалистов (В. Пропп, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум,), диалогическая теория нарратива (М. Бахтин), теория «новой критики» (Р.П. Блэкмер), неоаристотелианские теории (У. Бут, Р.С. Грейн,), психоаналитические теории (К. Берк, Ж. Лакан), герменевтические и феноменологические теории (Р. Ингарден, Ж. Пуле, П. Рикер,), структуралистские семиотические теории (Р. Барт, А. Греймас, Ж. Женетт, К. Леви-Строс, Ц. Тодоров, Х. Уайт), теории читательского восприятия (В. Айзер, Х.Р. Яусс), постструктуралистские и деконструктивистские теории (Ж. Деррида, П. Де Ман).

Вклад нарративного анализа в теорию дискурса.

Нарратив и дискурс. Дискурсивность нарратива определяется его «миромоделирующей» функцией: передавая историю, рассказчик

выстраивает собственную модель событий и своей роли в их развитии (нарративная процедура не воспроизводит, а «творит реальность» - Фредрик Джеймисон); модель всегда вариативна, т.к. ориентирована на различного слушателя и контекст рассказывания истории. Другой вектор дискурсивности нарратива – его смысловая и структурная обусловленность (форматируемость) различными дискурсами: универсальными культурными и институциональными сценариями, национально-специфическими сюжетами, интертекстуальными связями, когнитивными схемами нарративов.

Нарративный анализ и когнитивный анализ дискурса. Методы нарративного кодирования перспективны для когнитивного анализа дискурса. Структурный анализ нарративов (выделение инвариантных элементов нарративного эпизода) аналогичен поиску макроструктуры текстов, или «глобальной схематичной формы» дискурса, позволяющей различать дискурсивные жанры, – ван Дейк обозначает ее понятием «схемата». Так, например, «схемата» газетной статьи включает в себя резюме и фабулу; фабула содержит описание ситуации и комментарии, ситуация – описание эпизода и фона, эпизод – описание основных событий и их последствий, фон – описание контекста (условий) и предыстории. Структурный анализ нарратива (в частности, мифа) применяется для исследования *институциональных дискурсов* как отличающихся жесткой структурированностью и фиксированной сменой коммуникативных ролей – следствием социальных и идеологических ограничений на тексты, созданные в рамках таких дискурсов. В частности, с позиции нарративного анализа исследователями массовой коммуникации рассматриваются новости, поскольку в них можно выделить главных и второстепенных действующих лиц, «героев» и «злодеев», а также последовательно развивающееся действие, которое соответствует привычным для аудитории сценариям и имеет начало, середину, конец и маркированные драматические повороты в сюжете [Franzosi 1998].

Нарративный анализ в изучении интертекстуальности и адресантности (субъектности) дискурса.

1). Изучение изоморфности глубинных смысловых структур нарративов вносит вклад в исследование интертекстуальности, в которой нарратологи видят основу понимания дискурса, всегда «вписанного» в «более широкие формы понятности» (Wetherell 1998:430) и системы «образования значений».

2). Нарративный анализ изучает адресантность / субъектность нарратива как когнитивно-дискурсивный инвариант и как функцию, производную (а) от доминантных дискурсов или универсальных культурных сценариев; б) от локального дискурсивного контекста: личности становятся когерентными и осмысленными посредством осуществляемой ими повествовательной работы, конструируются в разговоре и повествовании как «версии себя» (Sarbin 1986); повествование является особой практикой, посредством которой субъект, исполняя свои роли, осознает себя; рассказывает о том, кем он является и кем хотел бы стать. «Нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными «моделями» и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я» (Брокмейер, Харре 2000:38). Наша идентичность – «не фиксирована и не автономна, а эволюционирует в форме незаконченной истории, мы понимаем и конструируем себя как нарратив, чтобы объяснить себе самих себя» [Rossiter, 1990, p.62].

Классификация нарративов. Предлагается следующая жанровая классификацию нарративов: нарративы индивидуального опыта; библейские нарративы; нарративы преподавателей; нарративы детей; нарративы врачей; семейные нарративы; судебные / юридические нарративы; историографические автобиографии; музыкальные нарративы; кинематографические нарративы; ментальные нарративы [Manfred, 2002]. Иная жанровая классификация разделяет нарративы на обыденные (события происходят снова и снова, в действии нет кульминации); гипотетические (описываются события, которые не произошли в действительности) и

нарративы, сосредоточенные вокруг темы (зарисовки прошедших событий, связанные между собой тематически) [Ярская-Смирнова, 1997]. Х. Уайт классифицирует нарративы на прагматичные, условные, психологические, этические, разведывательные, дидактические и дискурсивные [Croissant, 2003]. П. Томпсон выделяет основные жанры фольклорного нарратива: групповую легенду, индивидуальный анекдот, семейную сагу и народную сказку [Томпсон, 2003, с.168].

Нарратив – тип дискурса, смысловые и композиционные характеристики которого соответствуют прототипическим свойствам истории, интерпретированной с позиции конкретного субъекта с его прагматическими установками, предтекстовым знанием о моделях поведения персонажей в пространстве этой истории и особой концептосистемой, включая индивидуально-вариативные и инвариантные модели мировосприятия как носителя определенной лингвокультуры. Отличается уникальностью *хронотопа*, *интертекстуальности* и *субъектности*, а также универсальной структурой, унифицированными прагматическими и когнитивными параметрами, производными от категории *событийности*. В ракурсе структуралистского подхода Н. определяется как набор инструкций и норм, позволяющих интегрировать индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно установленный канон (согласно Й. Брокмейеру и Рому Харре, нарратив является не описанием некой реальности, а «инструкцией» по ее определению и пониманию). С точки зрения *нарратологии* Н. определяется как трехуровневая иерархия «истории, текста и наррации» (Franzosi 1998: 520).

Инвариантные (конститутивные) характеристики нарратива:

- субъективная энтропия: запоминаемость и интересность рассказанных событий вследствие их «выпадения» из "нормальной цепочки событий". Реализуется при наличии таких факторов: 1) ситуация, инициирующая цепочку действий, затруднительна, т.е. субъект действия лишен возможности объективно решить, что предпринять;

его решение изменит статус («возможный мир»), что противоречит его желаниям; 2) в нормальной цепи событий происходят непредсказуемые вещи, которые могут побудить субъекта действия изменить его цели, чтобы избежать затруднений; 3) один из статусов («возможный мир») или объекты и свойства, образующие событие, необычны и странны для агента.

- «Кредит доверия»: адресат должен быть уверен, что события произошли именно так, как передает их рассказчик. Существует обратная связь между информационной значимостью и кредитом доверия: чем более узнаваемыми и предсказуемыми оказываются события (т.е. менее интересными), тем меньше слушатель доверяет рассказчику.
- «Каузальность»: выделение причин и следствий в развитии событий. Согласно Тойну ван Дейку, структурная связность нарратива обоснована прагматической детерминированностью его частей действиями, которые являются *условиями* других действий и событий, подчиненных цели повествования (в ракурсе которой получают объяснение все события).
- Многообразие временных инстанций как (а) времени изображаемых событий, (б) времени автора, (в) времени читателя (см. ниже *хронотон нарратива*).
- Многочисленность (совокупность) повествовательных инстанций нарратива: автор (реальный, подразумеваемый) – нарратор – фокализатор – фокализуемый – читатель; «анонимность» слушателя или отсутствие определенной «целевой» аудитории: нарратив может быть рассказан в определенной ситуации любому слушателю.
- Двойственная природа персонажа как отражения реальности и производного (функции) от сюжета; многочисленность инстанций в характеристике персонажа: кто и кого характеризует (автор или другой

персонаж, самого себя, постороннего); каким образом осуществляется характеристика: эксплицитно или имплицитно.

- Многомерность и конфликтность субъектов нарратива, которые конституируются в интеракции с другими людьми и институциональными структурами как постоянно возобновляемые, противоречивые и ситуационные. Каждый нарратив – создание автором новой «версии себя».
- каноничность
- интертекстуальность

Субъективная энтропия, «кредит доверия» и каузальность одновременно являются основными прагматическими условиями Н. (в частности, прагматические условия и прагматические цели Н. разграничиваются Тойном ван Дейком).

Функции Н. Информационная, трансформирующая (включая упорядочивающую Ф.), убеждающая, развлекающая, темпоральная. *Трансформирующая* Ф. обусловлена избыточной информативностью нарратива, который (в интересах связности, полноты и занимательности) предлагает больше информации, чем это необходимо для выражения смысла. Объединяя разрозненные события в одну означающую структуру, нарратив задает модели интерпретации реальности: акцентирует одни события и замалчивает другие. *Темпоральная функция* выражается в том, что, выделяя различные моменты во времени и устанавливая связь между ними, в частности, намекая на финал уже в начале истории, нарратив вносит «человеческие» смыслы в течение времени (эгоцентричное время) и позволяет понять значение самих временных последовательностей. Хронологический порядок событий, или фабула, позволяет отличать нарративные тексты от ненарративных, отражая изменение ситуации через специфическую последовательность событий. Задача Н. – дать представление о развитии описываемых событий (вступление, завязка, развитие действия, кульминация, завершение действия, развязка, заключение) в их реальной или

искусственной последовательности (если последняя кажется автору более целесообразной, чем существующая на самом деле). Темпоральную функцию нарратива часто называют «осюжечиванием», так как сюжет является посредником между событиями и рассказываемой историей, объединяя хронологическое с нехронологическим, трансформируя события в историю. Темпоральная функция нарратива соотносится с категорией *хронотопа* (см. ниже).

Психологические функции Н. включают: психотерапевтическую («совместное обдумывание» и «сравнение опыта» в критической ситуации) и прогностическую: нарративный текст должен представлять определенное решение проблемной ситуации в фиктивном мире истории, отдаленном от актуального мира читателя (слушателя). Это решение может стать метавозможностью, переносимой читателем (слушателем) на актуальные жизненные ситуации (Ryan 2007, 2008; Herman 2009).

К *прагматическим* функциям Н. (Prince 1983: 527-536) относят *идентификационную* (говорящий идентифицирует себя как члена определенного социума), *репрезентативную* (взаимное самопредставление коммуникантов в речевой ситуации), *дидактическую* (говорящий как член социума передает собеседнику некую систему ценностей). Тойн ван Дейк (Dijk 1975:273-294) среди прагматических функций (целей) Н. выделяет *основную* (повлиять на эрудицию говорящего) и *косвенные*: 1) «дать совет»: S (говорящий) допускает, что Н (слушающий) будет поступать так же, как S поступал в аналогичных случаях и хочет, чтобы Н был в курсе точных условий и последствий таких актов; 2) «побудить к действию»: S хочет, чтобы Н сделал что-то идентичное тому, что S делал ранее так, как описано в его истории; 3) предупредить: S хочет, чтобы Н знал, что S поступит так, как описал в своей истории; 4) эмоциональную: например, говорящий ожидает похвалы, восхищения, позитивного внимания, если его собственные действия были морально позитивными или запоминающимися; описываемое событие интересно или рассказано в запоминающейся манере.

Категории нарратива и нарративного анализа.

Интертекстуальность – конститутивная характеристика нарратива: форматирующие нарратив культурные и институциональные сценарии, прецедентные тексты, рекуррентные когнитивные структуры, схемы интерпретации, ценностные ассоциации. Реализуется как глобальная контекстуализация повествования с текстовыми семиосферами (топосами, концептами, универсальными и этнонациональными мотивами и архетипами), текстами с аналогичными топиками, аргументами (Добро побеждает зло», если претерпевает определенную диалектическую трансформацию, т.е. «добро должно быть с кулаками»), культурными макросценариями ролевого поведения («Дон Кихот», «не от мира сего», «Наполеон», «Рембо»), жанрами.

Событийность – выпадение рассказанных событий из "нормального хода цепочки событий", который следует понимать в терминах семантики возможных миров: курс событий нормален, если он возникает в большинстве альтернативных миров (контекстов нарратива) и сравним с современным миром (определен его законами, конвенциями, правилами и вероятностями). С. выявляется в противопоставлении бытовых обстоятельств неожиданным событиям («Я спокойно копался на даче и вдруг на соседний участок приземлился самолет»), нормального – чрезвычайному. С. – основная категория нарратива, обобщающая все конститутивные характеристики нарративного дискурса («информационную значимость», «субъективную энтропию», «кредит доверия», «каузальность», поливалентность хронотопа и др.). По словам У. Лабова, «если событие становится достаточно обычным, оно более не является нарушением ... правила поведения и, соответственно, не подлежит рассказу» [Labov, с. 370]. Так, релевантной в плане событийности будет фраза: «Я только что видел ограбление банка», т.к. никто не отреагирует на нее словами «Ну и что?» и нерелевантной – «На улице скользко, я несколько раз упал». Степень событийности пропорциональна степени нарративности: событийность нарратива может

«погашаться», уменьшая степень нарративности, если прогрессия событий замедляется описаниями, комментариями и ретроспекциями. Градация в уровне событийности измеряется 5 критериями [В. Шмидт, с. 16-18]: 1) релеванностью смены событий; 2) непредсказуемостью; 3) консекутивностью (С. зависит от того, какие последствия в мышлении и действиях субъекта она вызывает); 4) необратимостью (С. повышается по мере того, как уменьшается вероятность обратимости и аннулирования определенного состояния); 5) неповторяемостью (смена должна быть однократной, т.к. повторение сближает наррацию с описанием).

Условия полноценной событийности:

- 1) Фактичность или реальность смены событий: релевантным не считается желание, мечта, представление, сон или галлюцинация субъекта действия.
- 2) Результативность: смена должна произойти в рамках наррации.

Хронотоп – категория текста, обозначающая «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин, 2000, с.9]; существенную «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (М. Бахтин). По словам М. Бахтина, для хронотопа характерны "темпорализация" пространства, которое втягивается в движение времени, становясь его частью, и "спациализация" времени, которое сгущается и становится формой пространства, его новым ("четвёртым") измерением. В нарративе Х. определяется как пространственно-временная система координат, организующая континуум, в котором разворачиваются события нарратива (Л.В. Татару). Нарратив личного опыта всегда содержит указания на социальное время и пространство как детерминанты личностного времени и пространства.

Наиболее изучен в нарратологии мифопоэтический хронотоп. В соответствии с концепцией мифопоэтического хронотопа В. Н. Топорова (Топоров 1983), выделяются такие основные функции-характеристики хронотопа (мы выбрали те из них, которые реализуются не только в мифопоэтическом, но и

в любом жанре естественного или искусственного нарратива): 1) хронотоп структурирует текст «геометрически», позволяя анализировать его с помощью таких категорий, как точка, прямая, расстояние, сфера, ось, симметрия; 2) воздействие на пространственно-временные характеристики Н. антропоцентрического фактора, который нарушает «измеримость» хронотопа; воздействие хронотопа на антропоцентрический фактор – на акт интерпретации благодаря «настраиванию Я на ритм внешнего мира (текста)» (Топоров 1983, с. 228).

Пространственные характеристики нарратива. В устном естественном нарративе условно можно выделить три варианта пространства: 1) пространство реального мира; 2) смешение пространства реальности и вымысла, продиктованного как желанием рассказчика приукрасить свое повествование, придав ему большую занимательность, так и его потребностью в конструировании собственного Я, которое, действуя в нарративе, более привлекательно и идеально, чем в реальности; 3) пространство ирреального мира / параллельных миров: неомифологическое моделирование реальности, ввод в сценарий развития нарратива мифологических мотивов, символических явлений, сакральных сюжетов: «То, что он сделал, было сверхъестественным» или: «У меня возникло такое ощущение, что я уже встречал этого человека – может быть, во сне или в своей прошлой жизни».

Темпоральные характеристики нарратива. Основные аспекты теории нарративной темпоральности: 1) различие времени истории и времени дискурса; 2) значение грамматических глагольных форм для времени истории и времени дискурса. Структура временной организации нарратива включает: порядок, в том числе анахронию как расхождение времени дискурса и времени наррации; частоту (Genette 1980) как количество упоминаний о событиях в дискурсе; длительность – соотношение времени протекания событий истории и времени их изложения в дискурсе. Частотность реализуется несколькими

типами: 1) однократное представление одного события или серии событий; 2) повтор одного регулярно происходящего события или повторяющихся событий; 3) неоднократный повтор единственного события или регулярных событий). Длительность связана с категорией *темпа наррации*. Различаются пять видов темпа: 1) эллипсис (опущение элемента фабулы); 2) обобщение (ускоренное представление ряда элементов фабулы); 3) сцена (детальное представление события); 4) замедление (*slow-down*, растяжение длительности события); 5) пауза (остановка событий).

Многообразие временных инстанций нарратива, включая: а) время изображаемых событий; б) время автора; в) времени читателя.

Выделяют два типа нарративного времени: событийное (движение от прошлого к будущему) и циклическое, связанное с интертекстуальностью и стереотипностью развития сюжета нарратива: с базисными нарративами, интертекстуальными сюжетными линиями, культурными сценариями, интерпретативными репертуарами, культурными ожиданиями о типичном ходе событий. Циклическость, обусловленную всеобъемлющей интертекстуальностью Н., выявляется в темпоральной полифонии нарративного дискурса. Ж. Деррида утверждал, что каждый «элемент», стоящий «на сцене настоящего», соотносится с чем-то иным, храня в себе «отголосок, порожденный звучанием прошлого элемента», и при этом начинает разрушаться «вибрацией собственного отношения к элементу будущего», то есть, находясь в настоящем, он может быть отнесен и к «так называемому прошлому», и к «так называемому будущему», которое является одной из сил настоящего.

Точка зрения / фокализация – центральная категория нарратива (Шмид 2003), регулирующая коммуникативно-когнитивный процесс рассказывания и понимания нарратива, концептуализацию и реконструкцию «мира истории». Фокус одновременной актуализации пространственного, темпорального, нарративно-речевого и модального уровней текста. В когнитивном плане обеспечивает процессы накопления читателем «опыта

проживания» событий через «чужие» субъективные миры и восприятия общей динамической схемы их репрезентаций. Три основных типа пространственной точки зрения – внешняя точка зрения повествователя; переменная точка зрения (повествователь / персонаж); внутренняя точка зрения персонажа

Нарративный ритм – категория, которая отражает общий структурный принцип Н., организующий следование и объединение речевых единиц в единство и порождающий особую нарративную логику – специфический способ динамического выстраивания автономного «мира истории», в котором представлена определенная возможность решения конкретной проблемной ситуации. **Функции ритма:**

- 1) Коммуникативная: организует композиционную структуру текста так, чтобы вызвать адекватную реакцию реципиента, задать программу восприятия и интерпретации Н..
- 2) Концептообразующая: ритм регулирует процесс формирования и восприятия «концептуальных смыслов», складывающихся в единую смысловую перспективу текста. Данная функция состоит в регулярной активации того или иного сегмента текстовой сетки, в представлении определенного объекта в определенном ракурсе. Повторы ключевых слов обеспечивают регулярную репрезентацию концепта, а изменения ракурсов репрезентаций (точек зрения) определяют его динамику (Л.В. Татару).

Методы и методики нарративного анализа. «Нарративный анализ – это анализ повествовательных конструкторов жизненных историй посредством истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события, с точки зрения представленности в историях социально-типичного (Ярская-Смирнова 1997, с.44).

Н.а. представляет собой последовательность аналитических процедур, наиболее общими из которых являются: 1) «сквозное» прочтение нарратива;

2) разбиение его на секвенции; 3) объединение тематически связанных секвенций с целью выделения кодов (тематизаций) как типологических структур жизненного пути; 4) дифференциация кодов по частоте упоминания; 5) объединение однородных по смыслу кодов (тематизаций) в более обобщенные коды-кластеры (например, для кодов «безработица» и «отсутствие друзей» объединяющей будет ситуация социальной невостребованности); 6) как одно из промежуточных звеньев анализа – распределение кодов на основные и периферийные с установлением их взаимосвязей; 7) описание жизненного опыта как совокупности сформулированных кодов; определение стратегии жизненного пути.

Варианты Н.а.: В основе современного Н.а. лежит мифологический (см. *теорию Леви-Строса*), семиотический и «сюжетный анализ» (В. Пропп, Б. Томашевский) как совокупность принципов структурного исследования текста, посредством противопоставления фабулы (основных действующих лиц и событий в их логической и хронологической последовательности) и сюжета (особенностей представления и связи событий в тексте: композиционного решения, развития конфликта, характеров, раскрытия основной темы и идеи) с целью постижения логики авторского мышления.

По Томпсону, возможны следующие вариации «нарративного метода» [2003, с.275-283]: 1) раскрыть замысел автора, опираясь на любые полезные зацепки, те образы и темы повествования, где проявляются «мифы», которыми мы живем (золотая пора детства, беззаветная материнская любовь и т.д.); 2) оценка с жанровой точки зрения – определение стиля повествования и его влияния на содержание (например, как на содержание рассказа влияет принятие фаталистической установки «мне суждено быть бедняком»); 3) выявление символического значения используемых языковых конструкций: избыточные выражения и неоправданные отклонения, все эмоциональное и субъективное в повествовании не только свидетельствует о

невывраженных личных переживаний, но и показывает, откуда человек родом, уровень его образования, сословную принадлежность.

Школы / направления Н.а.

Нарратология. Модели нарративного анализа Р. Барта и А. Греймаса.

Нарратология возникла в рамках структурализма как направление, предложившее методы систематизации законов создания и развития нарративов – например, посредством редукции любого текста к совокупности его структурных единиц, в качестве которых могут выступать «сферы действия» или функции, определенное соотношение элементов (субъект / объект, отправитель / получатель, помощник / оппонент), а также понятия «грамматического анализа»: каждая история может быть прочитана как вид распространенного предложения, по-разному комбинирующего характеры – существительные, их атрибуты – прилагательные и их действия – глаголы.

Структурный подход основан на предположении, что «нарративы обладают общей структурой, которую можно анализировать несмотря на сложность ее вычленения», и направлен на поиск «инвариантных структурных компонентов миллионов нарративов» [Franzosi, 1998, p.524]. Одни авторы убеждены, что основу нарратива составляет совокупность темпорально упорядоченных предложений (В. Лабов); другие считают, что важна не хронология, а взаимосвязь событий (К. Юнг); третьи утверждают, что целостность нарратива гарантируется не временем, а темой (К. Риссман). Но в любом случае «суть классического повествования в том, что оно подчиняется логико-временному порядку» [Барт, 2001, с.70]. Структурный подход допускает разные варианты нарративного анализа: фиксацию в целостных текстах основных тем, элементов мысли и стиля (Р. Барт); акцентирование связи текста со средой и взаимосвязи слов в тексте (Т. ван Дейк); выделение элементов текста по их функциям (К. Леви Строс, В. Пропп); выстраивание структуры текста на основе определенным образом взаимосвязанных событий (З. Харрис). У. Эко определяет структуру как

результатирующую модель упрощающих операций, позволяющих рассматривать явление с одной единственной точки зрения и «именовать сходным образом разные вещи»: путем последовательного абстрагирования мы находим гомогенные структуры на разных культурных уровнях и представляем текст в виде некоей пространственной схемы (пирамиды, круга, спирали, ролевой или темпоральной матрицы и т.д.). Хотя ни одно произведение не сводимо к схеме или ряду схем, мы загоняем его туда, чтобы разобраться, почему возможно множество интерпретаций одного и того же текста.

Формально-структурный анализ нарратива Р. Барта: основывается на предположении о гомогенности дискурса и предложения в плане формальной организации и возможности конструирования нарративного текста по модели предложения. Предложена трехуровневая модель нарративного дискурса с выделением 3-х семиотических уровней: функций, действий и наррации. Функции приобретают смысл, входя в круг действий актантов, описывая персонажей и их поступки. Выделяются дистрибутивные и интегративные функции. Дистрибутивные подразделяются на *ядерные* или *кардинальные* (сюжетные узлы, моменты «риска», которые создают или разрешают ситуативную неопределенность) и *катализаторы* (носят вспомогательный характер, связывая два сюжетных узла; могут ускорять, замедлять сюжет, резюмировать, предсказывать события или вводить в заблуждение реципиента, поддерживая семантическое напряжение нарратива). Интегративные функции имплицитно (индексы) или эксплицитно (информанты) раскрывают эмоциональное состояние актантов, атмосферу событий; идентифицируют людей и события в пространстве, создавая иллюзию реальности. Один и тот же элемент может одновременно реализовать обе функции: так, выпить порцию виски (в холле аэропорта) – это действие, относящееся к кардинальной функции *ждать*, но в то же время это и признак определенной атмосферы, имеющий отношение к интегративной функции «расслабиться, предаться воспоминаниям».

Действия приобретают смысл, когда о них рассказывают и они становятся объектом нарративного дискурса, На уровне действий на основе обобщения поступков персонажей выявляются их инварианты в виде актантов и функций. Третий уровень – наррации организует структуры двух предыдущих уровней.

Нарративная семиотика Ж.А.Греймаса.

Предлагает типологическую схему актантов, демонстрирующую, что между множеством персонажей нарратива можно выявить те же простейшие отношения, которые обнаруживаются и при грамматическом анализе фразы (Греймас 1996:118-135). Опираясь на теории К. Леви-Стросса, В.Я. Проппа, Е. Сурио, разработал актантную схему, в которой *актант* понимается как класс понятий, который объединяет различные роли в одной функции. Субъект и объект связаны модальностью «желать», при этом «субъект» - это функция, объединяющая все атрибуты и действия главного героя, стремящего получить желаемый объект или достичь до желаемой цели. Следовательно, объект выступает функцией, обозначающей все, чего желает субъект. «Помощник» и «противник» связаны модальностью «мочь», где помощник или донатор является актантом, который помогает субъекту-герою, а противник обобщает класс, объединяющий всех персонажей или другие силы, которые противостоят субъекту. Актанты «адресант» и «адресат» связаны модальностью «знать», при этом адресант направляет субъекта, дает ему задание, а адресат или бенефициарий получает выгоду от действий субъекта или донатора. Синкретичность актантов: любой персонаж – пучок дифференциальных функций, которые он может объединять в зависимости от ситуации.

Нарративная схема волшебной сказки В.Я. Проппа: работа «Морфология сказки» (Пропп 1928) – первое классическое структурное исследование нарратива на материале фольклорных сказок. Сказка трактуется как повествование с ограниченным набором функций и порядком их следования. Построение инварианта сказочного текста связано со

структурным переосмыслением понятия *функции* – поступка действующего лица, определяемого с точки зрения его значимости для развития сюжета нарратива. Так, Баба-Яга, дающая золотое веретенце невесте Финиста-Ясна Сокола, фея, наряжающая Золушку на бал, мертвец, который дарит Ивану меч, выполняют одну и ту же функцию Дарителя (Красноперова 2004:15). Функции обозначены отглагольными существительными: бегство, награждение, женитьба, испытание, запрет, его нарушение и т. д. Для определения функции важно не только самое действие, но и его "положение" в сюжете, его контекст. Например, "Иван женился на Марье" (в конце сказки) и "Отец взял в жены женщину с двумя своими дочками» – это две разные функции, несмотря на то, что они могут быть обозначены одним словом "женитьба". Сказочный нарратив содержит фиксированный набор ролей действующих лиц, которые характеризуются определенным репертуаром действий, то есть выполняют одну или несколько стереотипных функций (всего в нарративе выделяется 31 функция, которая стереотипно связана с семью или более героями).

Последовательность функций всегда одинакова: 1-3 функции определяются как отлучка (отъезд родителей и т.д.), запрет (не заходи, не бери...), нарушение запрета; 4-8 (завязка сказки) – умышленное нанесение вреда герою: выдача; подвох; пособничество; вредительство / недостатка; 9-11 связаны с покиданием героем среды обитания: посредничество, начинающееся противодействие, отправка; 16-17 (кульминация повествования): борьба, клеймение: «Расцарапал ему Змей всю щеку...» (способ опознать героя как победителя восходит к древнему обычаю наносить на тело татуировку после прохождения инициаций или достижения серьезных побед); победа; 19-20 связаны с устранением основной проблемы и возвращением; заключительные функции (29-31) показывают торжество справедливости: трансфигурация («Искупался Иван в молоке, вышел молодцем лучше прежнего»); наказание («Посадили служанку в бочку, скатили с горы»); свадьба, воцарение.

Интерпретативный подход (Н.К. Денцин): повествование содержит несколько «мининарративов», перетекающих друг в друга. Основа их выделения – *момент «эпифании»*, который определяется как драматические события, изменяющие «фундаментальные структуры значений» личности, ее представления о себе и о мире. Таким событиям придается в ретроспективе особое значение, так как рассказчик оценивает их воздействие на протяжении всего своего жизненного пути. Задача исследователя – выявить роль «эпифании» в повествовании на основе эксплицированных или имплицитных в рассказе аргументов и мотивов нарратора. Анализируются три компонента личностного нарратива: 1) что было до момента эпифании; 2) что послужило причиной наступления момента; 3) какие изменения произошли во внутреннем мире и внешнем окружении личности (рассказчика) после наступления этого момента.

На наш взгляд, задачей лингвиста при использовании этого метода Н.а (социологического по своим задачам и принципам анализа) может служить определение индексов драматического события (эпифании) на всех уровнях дискурсивной реализации нарратива. Структуры знания, сформировавшиеся на основе пережитого драматического опыта, используются как ситуационная модель в обработке любых событий, связанных с ним тематически (я не смог ударить человека в первый раз, не могу и сейчас), ассоциативно или на уровне общности аргументов (мои принципы не позволили мне этого сделать). Помимо когнитивного аспекта, не менее важными представляются нам и прагматические параметры интерпретативного анализа Н., поскольку драматическое событие не могло не повлиять на последующее становление личности рассказчика как социального и коммуникативного субъекта с определенными убеждениями, установками, мотивациями, когнитивным стилем как "предпочтительным подходом к решению проблемы, характеризующий поведение человека относительного целого ряда ситуаций», выбором определенных стратегий и тактик общения, репертуара лингвистических средств.

Таким образом, лингвоинтерпретационный анализ нарратива будет включать выявление индексов эпифании на трех уровнях описания: 1) вербально-семиотическом: риторических средств; синтаксиса; тематического ряда; клишированности речи; композиционно-содержательных особенностей; грамматики; хеджирования, митигации, интонации, ритма и др.; 2) мотивационно-прагматического уровня: пресуппозиций и импликаций (с какой целью часть информации имплицитно), стратегий и тактик создания образа «себя» и других, средств интертекстуальности. При этом интертекстуальность как конститутивная категории нарратива «подчиняет» себе реализацию других средств формально-семиотического и прагматического уровней, так как содержательно-смысловым ядром интертекстуальных связей будет искомым микронарратив базисного драматического события; 3) формулирование этого микронарратива как когнитивной основы интерпретативных процедур.

Сценарный подход – социологический анализ Н., выявляющий возможные варианты развития событий в нарративе с целью их анализа и выбора наиболее реального сценария. Сценарий – логическая и хронологическая цепочка событий, сцена – набор событий, объединенных общими содержательно-смысловыми характеристиками. Множество сценариев ограничено первичными нарративными элементами – сюжетными архетипами. Например, для коренных малочисленных народов Севера социологи предлагают несколько ядерных сценариев развития (автономизация, интеграция в финно-угорский мир, ассимиляция в российское сообщество).

Содержание и сюжетная композиция каждого нарративного сценария определяется архетипами традиционного мифологического сознания, структурами коллективного опыта, ценностными ориентациями, моделями и стереотипами поведения, но, прежде всего, архетипами культуры, которыми

кодируются жизненные сценарии и которые по своей природе амбивалентны, дихотомичны (например: порядок – беспорядок, природа – культура, варварство-цивилизация). Таким образом, сценарный поход ориентирован на поиск структур коллективного опыта и включает такие звенья Н.а.: 1) определение рамочного фрейма, логики событий; 2) характеристика общей жизненной стратегии рассказчика и его окружения через отбор определенных секвенций текста и их обобщение в соответствующие кластеры, тематизированные описания (наименование кластеров – наименование социокультурных архетипов: концептов или концептуальных ситуаций, обуславливающих типологические структуры жизненного пути); 3) в случае наличия нескольких «историй жизни» проводится сравнение кластеров и формируется обобщенное описание социального времени и порожденных им коллективных практик.

На наш взгляд, отличие сценарного и интерпретативного подходов к А.н. заключается в специфике интертекстуальных ресурсов как когнитивного формата для конструирования нарративов. В первом случае – это интерпретативный фрейм (ситуационная модель), обобщающая индивидуальный опыт, конкретный случай с точки зрения социальных отношений (гендерных, классовых); во втором – структуры коллективного опыта, архетипы коллективного сознания (или бессознательного),

Однако эти различия условны по сравнению с конечной целью Н.а. – выявить общие социальные репрезентации субъектов, которые организуют социальное общение и понимание. В случае интерпретативного анализа это достигается на основе сравнения нескольких нарративов со сходными микронарративами, зафиксировавшие момент эпифании. При сценарном подходе возможно ограничение анализа одним нарративом и обобщение конкретного случая как отражающего амбивалентные архетипные структуры коллективного опыта (например, женское агрессивное начало). Такие структуры сопоставимы с дихотомически организованными мифемами К.Б.

Леви-Строса «Цивилизация ведет к гибели культуры», «смерть порождает жизнь»; «жизнь перетекает в смерть», что дает возможность использовать для их анализа методику структурного исследования нарратива, предложенную Леви-Строссом.

Методика структурного анализа мифа К.Б. Леви-Стросса

К. Леви-Стросс рассматривал мифы как вариации нескольких основных тем, которые можно редуцировать до определенной универсальной структуры. Разрабатывая собственный метод структурного анализа мифа, ученый ставил перед собой двуединую задачу: выделить «составляющие единицы мифа» и объяснить специфический характер мифического времени, его двойственную природу, необратимость и обратимость, синхронность и диахронность (Леви-Стросс 2001:219), так как значение (и, в определенной мере, назначение – *Н.К.*) мифа заключается в том, что события, имевшие место в определенный момент времени в далеком прошлом («до сотворения мира» или «в начале времен»), по своей сути имеют вневременной характер.

В поисках структурного инварианта (мифемы), посредством которого можно описать все многообразие мифов и их повествовательных вариантов, Леви-Стросс выдвигает исследовательскую гипотезу о том, что единицы мифа представляют собой не отдельные отношения, а пучки отношений, и что только в результате комбинаций таких пучков составляющие единицы приобретают функциональную значимость. Ключевым понятием теории Леви-Строса становятся мифемы – мельчайшие структурно-смысловые единицы, названные так по аналогии с лингвистическими понятиями фонемы и «семантемы». Понятием мифем, связанных между собой, строится многообразие значащих единиц - мифов. Мифемы вычленяются на уровне фразы и выражают некое отношение (например, «добро всегда побеждает зло»; «подобное рождается подобным» или «подобное рождается от двух подобных»; «жизнь и смерть вытекают из одного начала»; «жизнь перетекает в смерть»). Например, в мифе племен пуэбло о происхождении маиса

основной мифемой является дихотомическое единство жизни и смерти, которые происходят «из одного общего члена» (маис взрастил Отец зверей, посеяв вместо семян костные наросты ног оленя). Поскольку любая мифическая мысль оперирует набором бинарных операций ясный-темный, вверх-вниз, тихий-громкий, мифемы также выражают противоположности (например, злого и доброго) и находятся в разнообразных оппозициях друг к другу, в чем проявляется диалектическое постижение действительности посредством мифа (ср. у Леви-Стросса: миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию — медиации (Леви-Стросс 2001:234)). Например, мифема «жизнь неизбежно ведет к смерти» будет диалектически переосмысливаться в мифе в оппозиции с мифемой «смерть порождает новую жизнь» (гусеница, умирая, порождает бабочку, зерно, умирая, дает новую жизнь и др.). «Добро», которое «побеждает зло», также должно претерпеть определенную диалектическую трансформацию (ср. с русской пословицей «добро должно быть с кулаками»): для победы над злом мифологическому герою приходится самому на время стать «злом», например, убивая чудовище или обидчика.

Из дихотомически организованных мифем складывается синхрон-диахроническая структура мифа, делающая возможным достижение главной его цели, а именно: дать логическую модель, код для разрешения некоего противоречия. Цепочка мифем обеспечивает последовательную смену одной оппозиции другой, менее резкой. Снятию оппозиции способствует также введение образов-медиаторов (туман, головня, зола, скальп и др.). Так, туман – это переходная ступень между небом и землей; скальп – переход между войной и земледелием (скальп — «жатва» войны); головня – между дикими и культурными растениями (заглушает культурные злаки подобно дикорастущим травам); одежда – это «переход» от «природы» к «культуре»; отбросы – от обитаемого места к дикой чаще; зола (и сажа) соединяет очаг (на земле) и крышу (образ небесного свода). Цепочка медиаторов служит тем недостающим логическим звеном, который дает «ключ к расшифровке

многих проблем мифологии»: почему бог росы является также хозяином животных; почему бог богатых одежд – это чаще всего Золушка мужского пола (*Ash-boy* 'Золик', 'Мальчик золы'); почему скальпы дают росу и др. (Леви-Стросс 2001:235).

Совокупность дихотомически организованных мифем, которые остаются неизменными в различных мифах, составляют «арматуру» мифа. Помимо понятий мифемы и арматуры, Леви-Строссом используются понятия кода и сообщения. Код представляет собой систему функций, посредством которой индексируется арматура. Сообщение является содержанием мифа. То есть мифему, арматуру и код можно определить, соответственно, как смысловой и функциональный инвариант мифа, содержание – как его вариативную часть. Различия в мифах определяются особенностями комбинированием мифем, набор которых ограничен, но варианты сочетания – исключительно многообразны. В этой связи, Леви-Стросс проводит параллель с музыкой, в которой количество аккордов и нот ограничено, образуя структуру гармонии, но повторы, смены тональностей, сочетания аккордов варьируются, создавая сложный мелодический рисунок (об особенностях структурного метода Леви-Стросса – см. в следующем подразделе).

Методика структурного исследования нарратива, предложенная Леви-Строссом, может быть представлена в виде таких звеньев анализа:

- 1) Определение последовательных цепочек «событий» мифа; передать события с помощью возможно более коротких фраз.
- 2) Редукция выявленных содержательных фрагментов, которые соответствуют событиям, до коротких фраз (пропозиций, посредством которых субъекту приписывается предикат).
- 3) Упорядочивание редуцированных фраз в вертикальные столбцы на основе общности смысловых «линий» (идей).
- 4) Выявление мифем: основных идей (обобщающего пропозиционального содержания) каждой колонки.

- 5) Определение групп мифем, образующих смысловые оппозиции.
- 6) Выявление (по возможности) медиаторов, обеспечивающих постепенность снятия противоречий и дающих ключ к их расшифровке.
- 7) Выявление логической модели, разрешающей противоречия мифа.
- 8) Структурный анализ вариантов мифа: сравнение и упорядочение новых элементов по отношению к выявленным мифемам.
- 9) Выведение структурного закона, логического кода, общего для всех вариативных интерпретаций мифа.

Проиллюстрируем особенности применения методики на примере анализа Леви-Строссом мифа о Царе Эдипе (Леви-Стросс 2001:222-225). Столбцы фраз, выражающих события мифа, упорядочиваются так, что при чтении строчек слева направо и сверху вниз может быть прочитана их временная последовательность.

Кадм ищет свою сестру Европу, похищенную Зевсом			
		Кадм убивает дракона	
	Спартанцы убивают друг друга в братоубийственной резне		
			Лабдак (отец Лайя) = хромой
	Эдип убивает своего отца Лайя		Лай (отец Эдипа) = левша
		Эдип убивает	

		сфинкса	
			Эдип = толстоногий
Эдип женится на своей матери Иокасте			
	Этеокл убивает своего брата Полиника		
Антигона, нарушая запрет, хоронит своего брата Полиника			

События, объединенные в первой колонке слева, касаются кровного родства, причем значение его преувеличено, т. е. отношения между родственниками более близкие, чем это допускается социальными нормами. Итак, первая мифема озаглавляется исследователем как «переоценка (гипертрофия) родственных отношений» (Леви-Стросс 2001:223). Во второй колонке представлены те же отношения, но с обратным знаком, что можно определить как «недооценку или обесценивание отношений родства». Общая черта третьей колонки, посвященной уничтожению чудовищ человеком, – это отрицание автохтонного происхождения людей (автохтонность человека – это его выход «из земли», а не результат союза мужчины и женщины. Так, в мифах различных народов прообразом человека является растение, которое вырастает из земли и тянется к небу; в древнегреческом мифе люди вырастают из зубов дракона, которым Кадм, убивший дракона, засеял поле – *Н.К.*). Для толкования четвертой колонки имеет значение тот факт, что все выделенные в нее фразы выражают некое затруднение в пользовании конечностями (Леви-Стросс 2001: 223). В мифологии часто упоминается, что, родившись из земли, человек в самый момент своего возникновения не умел ходить или

ходил очень неуклюже. Так, у индейцев-пуэбло существа, рожденные землей, например шумайколи или муингву, который помогал родам, хромы (в текстах их называют: Окровавленная нога, Раненая нога, Мягкая нога). Итак, общая черта всей четвертой колонки — это идея автохтонного происхождения человека / невозможность преодоления такого происхождения.

Выявив мифемы, Леви-Стросс делает вывод о том, что четвертая колонка находится в таком же отношении (диалектически-дихотомическом – *Н.К*) к третьей, как первая ко второй. «Отсюда становится очевидным следующее соотношение: переоценка кровного родства существует в обществе наряду с его недооценкой; стремление отвергнуть автохтонность существует наряду с невозможностью это сделать» (Леви-Стросс 2001:227).

Далее Леви-Стросс обращает внимание на то, что структурный анализ должен учитывать все возможные варианты мифа. Для каждого из этих вариантов выстраивается таблица, в которой все элементы располагаются так, чтобы их можно было сравнить с соответствующими элементами других таблиц. Например, эпизод, в котором говорится о том, как родители покинули Диониса, сопоставим с аналогичным рассказом об Эдипе; прозвище Эдипа «толстоногий» (*pieu-enfle*) – с прозвищем Диониса *loxias Xofyat*, что значит «ходящий криво»; поиски Европы сравниваются с поисками Антигоны; похищение Зевсом Европы или Антиопы – с историей похищения Семела и др. (Мы можем также привести пример реализации мифемы «невозможность преодоления автохтонного происхождения человека»: Зевс превращает Кадма с женой в драконов, когда они в старости вернулись в Иллирию – *Н.К.*). В результате получается несколько «двумерных» таблиц – параллельных плоскостей, каждая из которых содержит один вариант. Несмотря на различия таблиц, в них имеются значительные соответствия, что «позволяет подвергнуть их логическим операциям путем последовательного упрощения и в конце концов вывести структурный закон рассматриваемого мифа» (Леви-Стросс 2001:226-227).

Нарративное кодирование В.Лабова. Лабов определяет нарратив как «метод описания прошлого опыта посредством выражения в последовательности предложений хода событий, которые (это подразумевается) произошли в действительности» [Labov, Waletzky, 1997, с. 38]. Нарратив должен инкорпорировать такие базисные структурные элементы, как герои, сюжет, время и место действия, рассказчик и траектория; иметь начало, середину, конец и включать подробное изложение событий, которые размещены в пространстве и, главное, во времени. В «полном» нарративе принято выделять шесть *формальных функциональных элементов*: 1) абстракт / тезис / резюме (краткое изложение существа дела); 2) ориентацию (характеристику времени, места, ситуации и участников действия); 3) комплекс действий / осложнение; 4) оценку (значимость и смысл действий рассказчик выражает прямым утверждением, лексическим усилением, приостановкой действия, повторением и т.д.); 5) разрешение (итог разрешения ситуации); 6) коду (отнесение к настоящему времени) [Franzosi, 1998; Labov, 1997; Labov, Waletzky, 1997].

Абстракт состоит из предложений, которые резюмируют целое повествование, его «смысл», обосновывает причину, по которой одному из собеседников следует рассказать историю, а другому – ее выслушать (*То, что я увидел, заставило меня переосмыслить ...*). *Ориентация* (Orientation) состоит из свободных и нарративных предложений о времени, месте, лицах и действии: «кто, когда, что, где». *Осложнение* (Complicating action) является частью нарратива, которая повествует аудитории о том, что же, собственно, произошло посредством использования временных указателей. В первую очередь именно осложнение необходимо для формирования нарратива; обычно оно состоит из ряда событий и образует основу *нарративных предложений* [Labov, 2001]. Следующий компонент нарратива представлен в виде *Оценки* (Evaluation), которая имеет отношение к возможному вопросу «Ну и что?» со стороны аудитории и включает средства, используемые

рассказчиком «для выявления смысла происходящего», а именно: почему рассказана история, каков ее смысл, какова точка зрения автора на события («Это было ужасно, опасно, замечательно и т.д.» – то есть стоило того, чтобы о нем рассказать). Часть *разрешение* (Resolution) сообщает аудитории о том, каким образом история разрешилась сама по себе, или как ее удалось разрешить рассказчику. Заключительная часть кода (Coda) сигнализирует о завершении рассказа; содержит общие наблюдения или описание эффекта случившегося на рассказчика, «наводит мосты» между моментом времени в конце нарратива и настоящим (Labov 1972: 365-370) (например, «*Надеюсь, что я больше никогда не увижу ничего подобного*», «*И после этого все зажили долго и счастливо*»).

В «хорошем» завершенном нарративе достаточно четко представлены (очевидны для слушателя/читателя) все функциональные элементы, т.е. «даже посторонний человек не спросит «Ну и что?»: хороший рассказ постоянно сам отвечает на этот вопрос» [Labov, Waletzky, 1996, p.37]. В дальнейшем Лабов (2001) добавляет другие характеристики, включая свидетельство очевидцев для усиления правдоподобия.

Нарративные предложения. Для того чтобы фрагмент разговора был нарративом, он должен состоять, по крайней мере, из двух предложений, которые упорядочены во времени (Labov 1972:360). Так, в примере

1) *I know a boy named Harry* (Я знаю мальчика по имени Гарри)

2) *Another boy threw a bottle at him right in the head* (Другой мальчик попал ему бутылкой прямо в голову)

3) *And he had to get seven stitches* (И ему пришлось наложить семь швов)

1-е предложение – свободное, так как не имеет временной связи, 2-е и 3-е – нарративные: сообщают о начале и конце процесса изменения отдельного объекта.

Лингвистическими характеристиками нарратива являются: а) придаточные предложения, соответствующие временной организации событий; б) отнесенность повествования к прошедшему времени (использование глаголов в прошедшем времени, иногда – в настоящем); в) наличие определенных структурных компонентов.

Теория позиционирования как направление нарративного анализа

Разновидностью нарративного анализа является теория позиционирования, в соответствии с которой дискурсивная личность имеет одновременно социально-сконструированную и реляционную (здесь – *интеракционную* природу – *Н.К.*) природу. Так, роли субъектов в нарративном дискурсе связаны, с одной стороны, с «базисным» нарративом (с культурными сценариями, сюжетными линиями, интерпретативными репертуарами, дискурсами, культурными ожиданиями о типичном ходе событий») и, с другой стороны, с локальным дискурсивным контекстом, с выбором рассказчиком собственной роли и с позиционированием в интеракции: «комплексный субъект выявляется из реляционного позиционирования по отношению как к «базисным» нарративам, так и к локальному дискурсивному контексту» (Swan and Linehan 2001:403-427).

По мнению сторонников этой теории (К. Linehan, J. McCarthy, M. Wetherell), сам по себе микроуровневый анализ является недостаточным для объяснения нарратива. Аналитику необходимо привлекать другие контексты, к которым отсутствуют прямые отсылки в нарративных текстах (Wetherell 1998). Практика повествования опирается на циркуляцию и трансформацию дискурсов: каждый новый рассказ ориентирован на Дискурс (имеется в виде культурный сценарий – *Н.К.*), к которому, предположительно, имеет «доступ» слушатель и который он воссоздает и обновляет посредством деталей, характерных для конкретного рассказа и конкретного субъекта. Такой подход разрабатывается, в частности, в работах Wetherell (1998) и получил название генеалогического или синтетического подхода. Так,

анализируя интервью с группами мужчин 17-18 возраста, исследовательница приходит к следующему выводу: сам по себе конверсационный анализ не дает ответа на то, почему определенный субъект произносит то или иное высказывание. Для осознания позиций субъектов в интеракции важно выявление нормативных социокультурных практик, ценностей, особенностей смыслообразования посредством интертекстуального исторического и синхронического анализа. В данном конкретном случае привлекаются такие социокультурные сценарии: «репертуар, вращающийся вокруг алкоголя и стимуляторов, этика сексуальности как узаконенных взаимоотношений, ориентированных на игру и достижение» (Wetherell 1998:400). В то же время позиции субъектов, связанные с такими сценариями, не являются пассивно «заимствованными» со стороны участников интеракции, так как выполняют ситуативную интеракционную работу.

Методика нарративного анализа в соответствии с теорией позиционирования:

- 1). Выявление интертекстуальных сюжетных линий или культурных сценариев, на основе которых осуществляется ролевое позиционирование участников диалога.
- 2) Описание субъектных ролей участников, ассоциированных с культурным сценарием.
- 3) Определение уровня совместимости интертекстуальных сюжетных линий и ассоциированных с ними позиций участников.

Литература:

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Ролан Барт // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*; [Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова]. – М: ИГ Прогресс, 2000. – С. 196-238.
2. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.,1975. – С.234-407.
3. Бахтин М.М. *Эпос и роман (О методологии исследования романа)* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.,1975. – С.447-483.
4. Бахтин М.М. *Из записей 1970-1971 годов* // Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.,1979. – С.336-360.

5. Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. И вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. – С. 239–246.
6. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29-42. РЕЖИМ ДОСТУПУ: www.galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm
7. Греймас А. Ж. Размышления об актантных моделях / Альгирдас Жюльен Греймас // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму ; [Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова]. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 153-170.
8. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. и вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. – С. 121–152.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Юрий Михайлович Лотман. – М., 1970. – 384 с.
10. Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп / Гос. ин-т истории искусств. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
11. Татару Л.В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вульфа) / Автореферат док. фил. наук. - Саратов, 2009. - 45 с.
12. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003.
13. Топоров В.Н. Пространство и текст. - В кн.: Текст, семантика и структура. - М., 1983. - Стр. 227-284.
14. Троицк И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии <http://do.gendocs.ru/docs/index-77606.html>
15. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
16. Шмид В. Нарративные уровни «события», «история», «наррация», «презентация наррации» // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва. 4-7 апреля 2001 года) / Российская академия наук. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. - М.: Азбуковник», 2001. - С. 25-40
17. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
18. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005.
19. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / У. Эко - СПб: Петрополис, 1998. - 430 с.
20. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 39–62.
21. Narrative as cultural practice. In Leung, C. and Street, B. (Eds.), *The Routledge Companion to English Language Studies* (pp. 333-343). London: Routledge.
22. Brockmeier J. *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, self and culture* / Jens Brockmeier, Donald Carbaugh. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2001. – 307 p.
23. Croissant J.L. *Theory, narrative, and discipline at the intersections of science and technology studies and history* // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2003. Vol.23. No.6.
24. Franzosi R. *Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative* / R. Franzosi // *Annual Review of Sociology*. – 1998.– Vol.24.- Pp. 517-554.

25. Labov William & Joshua Waletzky. "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience." / William Labov, Joshua Waletzky / J. Helm (ed). // *Essays on Verbal and Visual Arts*. – Seattle: U of Washington, 1967. – P. 12–44.
26. Labov William. *Principles of Linguistic Change* / William Labov // *Social Factors*. – Oxford: Blackwell, 2001. – Volume II. – 596 p.
27. Manfred J. *Narratology: a Guide to the theory of narrative* // Part III: *Poems, Plays and Prose: A Guide to the Theory of Literary Genres*. Cologne, 2002.
28. May V. 'Narrative identity and the re-conceptualization of lone motherhood' / V. May // *Narrative Inquiry*. – 2004. – № 14. – P.169-189.
29. Prince Gerald. "Narrative Pragmatics, Message, and Point" / Gerald Prince // *Poetics*. – 1983. – № 12. – P. 527–36.
30. Prince Gerald. "Narrativehood, Narrativeness, Narrativity, Narratability" / Gerald Prince / J. Pier & J. Á. García Landa (eds) // *Theorizing Narrativity*. – Berlin: de Gruyter, 2008. – P. 19–27.
31. Rossiter M. *A narrative approach to development: implications for adult education* // *Adult Education Quarterly*. 1999. Vol.50. No.1.
32. Rusen J. *Narrativity and Objectivity in Historical Studies* / J. Rusen. – Электронный ресурс: // www.ruf.rice.edu/~culture/papers/Rusen.html.
33. Sarbin T. *Narrative psychology. The storied nature of human conduct* / T. Sarbin. – New York, 1986. – 303 p.
34. Swan D. *Positioning as a means of understanding the narrative construction of self: A story of lesbian escorting* / D. Swan, C. Linehan // *Narrative Inquiry*. – 2001. – № 10 (2). – P. 403-427.
35. Van Dijk T.A. / Van Dijk T.A. *Action, Action Description, and Narrative* / Van Dijk T.A. // *New Literary History*. – 1975. – № 6. – p. 273–94.
36. Wetherell M. *Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue* / M. Wetherell // *Discourse and Society*. – 1998. – Vol. 9. – P. 387-412.

